

Юрий Панов

Брод через Великую
реку

Книга 2.

18+

Юрий Панов

Брод через Великую реку. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Панов Ю. Г.

Брод через Великую реку. Книга 2 / Ю. Г. Панов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Все мужчины в роду Дубовцевых родились в одном месяце, причём в один и тот же день – двадцать восьмого марта. Их род раскололся на две части: а) "слуга" по отношению к мистическому существу Богомолу, представленному драгоценной брошью. Это те, кому понравилась рыночная жизнь, золото и деньги, обман; б) «хозяин». Это те, которые остались на многовековых традициях русского народа – честь, совесть, справедливость. Несколько поколений Дубовцевых проходили испытания "хозяин - Богомол - слуга", прежде чем нашли правильное решение, чтобы уменьшить влияние рыночных отношений и стать самими собой.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Дневник Михаила	6
Глава 1. Флегонт и Матрёна	6
1.	6
2.	10
3.	11
4.	13
5.	15
6.	16
Глава 2. Михаил и Нина.	18
1.	18
2.	20
3.	20
4.	22
5.	25
6.	26
Глава 3. Михаил и Матрёна	30
1	30
2.	31
3.	33
4.	36
5.	37
7.	41
Глава 4. Михаил и Селивон	46
1.	46
2.	49
3.	52
4.	53
5.	55
6.	57
Часть 2. Дневник Алексея	59
Глава 1. Алексей и Селивон	59
1.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Пролог

Каждый человек проходит Утро, которое ассоциируется с молодостью, День – со зрелостью, Вечер и Ночь – со старостью и смертью. Однако бывают случаи, когда значительные ошибки совершают деды и бабушки (это ассоциируется с Утром), рассчитываются за эти ошибки дети (День), а закрывают последствия ошибок дедов и бабушек внуки и внучки (Вечер и Ночь). Жизнь сложна как река и может быть разной как по скорости течения, так и по длине (длительности таких ошибок). И туман (т.е. ошибки молодости) могут иметь разные последствия. Такие смены утра на день, дня – на вечер, а вечера на ночь могут происходить не только с людьми, но и с их родами, общностями и даже государствами.

Вопрос, который решает Глеб Дубовцев: «Для чего я родился на этот свет и какое моё предназначение?» интересовал его, наверное, с раннего детства. Этому способствовали некоторые странности в роду Дубовцевых: никто и никогда не говорил о прабабушке и бабушке, прадедушке и дедушке, и совсем мало об отце. Почему-то, когда Глеб Дубовцев, будучи совсем маленьким, задавал этот вопрос матери, то неизменно получал ответ: «Подрастёшь – узнаешь!». Это не только подстёгивало его любопытство, но и послужило мотивом для того, чтобы он невольно начал собирать информацию об этом. Однако, один очень важный факт, никак не мог найти себе объяснения, даже когда он уже вырос: все мужчины в роду Дубовцевых родились в одном месяце, причём в один и тот же день – двадцать восьмое марта.

Как оказалось, род Дубовцевых в первом свободном поколении из-за возникновения рыночных отношений раскололся на две части: одна из них стала по отношению к мистическому существу Богомолу Службой (это те, кому понравилась рыночная жизнь, деньги, обман), другая – Хозяином (это те, которые остались на многовековых традициях русского народа – честь, совесть, справедливость). Несколько поколений Дубовцевых проходили Утро, День, Вечер и Ночь, прежде чем нашли правильное решение, чтобы уменьшить влияние рыночных отношений и стать самими собой.

Воспитанный на материалистическом понимании мира сначала в школе, а потом в высшем военном училище, Глеб Дубовцев никогда не верил в возможность существования в наши дни чего-то необычного, иррационального. Ему и в голову не могло прийти, что судьба уже уготовила встречу с этим иррациональным. Встречу, которая коренным образом изменит его мировоззрение и даст ответы на неразрешимые с детства вопросы.

Между тем ситуацию «Слуга – Богомол – Хозяин» можно рассматривать и иначе. В нашей жизни мы всегда имеем кого-то, кто жаждет крови и всего мира себе, имея большие финансовые, материальные или какие-то другие возможности. Это могут быть люди, группы людей или целые страны. Назовём их «Богомол».

Но, как это не жаль, имеется кто-то, кто очень хочет занять много денег или власть, повысить свой статус и тому подобное, любыми средствами, находясь в зависимости от Богомол. Это могут быть люди, группы людей или целые страны. Назовём их «Слуги».

К счастью, в реальной жизни имеется кто-то, кто может протянуть руку в самых трудных случаях, кому нужны мир, семья, любовь, дети, кто независим от денег и не хочет иметь весь мир. Это могут быть отдельные люди, группы людей, целые страны. Назовём их «Хозяин».

Как ситуация «Слуга – Богомол – Хозяин» представлена в данном романе и какой вывод необходимо извлечь каждому, можно сделать, прочитав этот роман.

От автора

Книга 2. Брод через Великую Реку

Часть 1. Дневник Михаила

Глава 1. Флегонт и Матрёна

1.

Это была амбарная тетрадь, самая старая с короткой надписью «Михаил». Открыв её, прочитал первые строчки:

« г. Полевской, сентябрь 1868 года.

Отец Сергей, священник и учитель церковно-приходской школы, сказал мне: «Михаил, заведи-ка дневник! Может, научишься грамоте, двоечник». Буду теперь писать. К отцу приехал Ерошка из Сибири. Два дня они с отцом пьянствовали, а потом в бане парились. Отец ему дал денег много. Интересно, за что?»

Я смотрел на огонь, когда Пашка подошла ко мне и, встав сзади, обе руки свои поставила рядом с висками, произнеся. — Хочешь, увидишь то время? Но у меня одна просьба: ни во что не вмешивайся! Просто рассказывай то, что видишь!

И в какой-то момент глаза сами собой закрылись. И в тот же миг передо мной, как на экране волшебного кино, представилась та жизнь...

– Флегонт, чёрт лысый, открывай! Дрыхнешь, окаянный? Открывай, мать твою, это ж я, Ерошка! – стучал ногой в высокие ворота лохматый мужик высокого роста. – Да куды ж усе подевались, кулюха¹ вас возьми! Зенки-то протрите! То ж кудеяр² Ерошка явился! Открывай, говорю, а не то дверь изломаю!

Пока он ругался и кричал, стуча в сосновые ворота, целый хор собак предупреждал его своим лаем, что они вовсе не собираются с ним шутить.

Из окна выглянула лысая и бородатая голова, довольно хмыкнула и исчезла. Через несколько минут Флегонт Дубовцев собственной персоной оказался у ворот, цыкая на разбушевавшихся собак. Загромыхал засов и ворота открылись. Хозяин, раскрывая объята стучащему пришельцу, улыбался и тянул к нему свои руки.

– Ерошка, идол такой! Живой?! – качая головой, пробормотал он. И оглянувшись в дом, с улыбкой закричал. – Эй, бабы, давай сюды: ваш курошшуп явился! Ну, топерича держитесь... Топерича-то он вам кунки³ намнёт!

И, осматривая своего посланца, довольно посмотрел ему в глаза. – Живой, паразит... Ты куды ж запропастилси, куделя⁴?

Несмотря на простенький кафтан и потрёпанный вид, Флегонт Дубовцев был далеко не прост, как казался. В своё время, быстро поняв, что крепостному праву приходит конец, крепостной управляющий Строганова Флегонт Дубовцев начал потихоньку воровать, да так это делал искусно и ловко, что ни сам хозяин, ни его наушники так и не смогли избличить в воровстве. Так Флегонт начал богатеть, бессовестно обкрадывая и хозяина и рабочих, которыми управлял.

С отменой крепостного права он стал свободным. Теперь пределом его мечтаний была женитьба на дворянке, а денег он итак уже много наворовал. Но именно здесь его ждало первое

¹ Кулюха – сильный зимний ветер (Сибирь, с 1848 г.).

² Кудеяр – атаман (Сибирь, с 1848 г.).

³ Кунка – нижняя женская одежда (Сибирь, с 1848 г.).

⁴ Куделя – ходок, бродяга (Сибирь, с 1848 г.).

серьёзное разочарование: дворяне его не приняли в свои ряды и в женитьбе отказали. Между тем следует отметить, что нарождающийся класс купцов он не увидел. И от отчаяния стал пренебрегать законной супругой, которая, как и он сам была из бывших крепостных. Несмотря на рождение сына, Флегонт пустился во все тяжкие с дворовыми девками и вернувшимися столичными вертихвостками из числа поехавших покорять Москву.

Вот от них-то он и услышал байку о несметных богатствах Сибири и, в отличие от большинства, почему-то поверил. Но Флегонт был бы не Флегонтом, если бы сразу же кинулся в погоню за чем-то неизвестным! А потому, он выбрал из числа своих бывших крепостных охотника и балагура Ерошку, снабдил деньгами и отправил в Сибирь детально изучать дело, чтобы отличить правду от вымысла. Самому же Ерошке была обещана внушительная сумма денег, так как чутье Флегонта предвещало прибыльное дело.

– Ну, дай-ка я тебе расцалую! – улыбаясь одним ртом, произнёс Флегонт. Глаза же его пристально изучали своего посланца. – Ерошка, нашёл или нет? Или нашёл, да обмануть хочет? Ой, не верю что-то этим хитрым глазищам!

А вслух произнёс. – Ну, рассказывай, как там?

– Куды с добром!⁵ – прохрипел тот, почти не слыша его вопроса. Сейчас всё его внимание было сосредоточено на прибежавших девках, которых по вине Флегонта пришлось оставить три года назад. Они стояли и улыбались, кто смущённо, а кто – открыто. Даже когда Флегонт обнимал его, Ерошка задыхался от нахлынувшего счастья: он, наконец, дома!

Лохматого Ерошку дворовые молодухи любили за весёлый нрав да удаль молодецкую. А больше всего – за то, что умел, разбойник, так приголубить, что шли они, как в огонь. Между тем похабник и гуляка Ерошка был одним из самых надёжных людей Флегонта. Сам Флегонт не раз бывал в тайге с Ерошкой, попадал в разные передряги и хорошо знал ему цену. Если к этому прибавить то, что Ерошка имел два класса церковно – приходской школы, то станет понятно, что для такого дела, как изучение возможности купечествовать Флегонту в Сибири только Ерошка и был самой подходящей кандидатурой.

Флегонт провёл Ерошку прямо в свой кабинет, который оборудовал недавно: дела торговые его шли неплохо и он теперь мог себе позволить некоторую роскошь. Достав штоф самогона, поставил его на стол. Огурчики, капусточка, копчёное сальцо и душистый каравай хлеба сами собой оказались на столе. Молча налив по стакану себе и Ерошке, они чокнулись.

– Со свиданьем! – как и раньше, рот Флегонта улыбался, а глаза настороженно бегали то туда, то сюда. Он уже давно решил, что торопить посланца не будет, так как что-то говорило ему. – Ерошка приехал не пустой! И эти известия должны сами выскочить из него!

Поэтому и сделал всего-то несколько глотков обжигающего зелья.

Ерошка же без всяких недомолвок был рад самогону, дому и предстоящим утехам с молодухами. А потому выплеснул стакан в широко открытую глотку и крикнул от удовольствия, приправив его хрустящей на крепких зубах капусточкой, да солёным сальцем, занюхивая пахнущим свежим зерном караваем.

Флегонт торопился: за первым стаканом был налит и второй. И торопился не напрасно, хитрый хозяин знал слабые места Ерошки и старался из него выжать всё, что было можно.

Знатное обхождение хозяина подействовало на Ерошку, и после второго стакана он захотел говорить.

– Флегонт, слышь, Флегонт! – Ерошка рукой ловил рукав хозяина, но тот ловко ускользнул, точно зная, что настоящее время ещё не пришло, так как Ерошка может не всё сказать.

– А может и не сказать... – подумал Флегонт, хитро сощурившись и наблюдая за Ерошкой. Он налил ещё один стакан и вставил его в протянутую руку Ерошки. – Приголублю-ка я его как следует. Может, и сболтнёт лишнее...

⁵ Куды с добром! – Всё в порядке! Всё хорошо! (Сибирь, с 1848 г.).

И опять всё было как в первый раз. Только сейчас Флегонт очень внимательно смотрел за Ерошкой, стараясь не прозевать тот момент, когда у того развяжется язык настолько, что он всё расскажет о своём походе, прежде чем отключится.

– Вот, за чё люблю тебе, Флегонт, – произнёс тихо Ерошка, икая после двух – трёх слов. – Не жадной ты, черт лысай!

– Ну–ну! Мели Емеля, твоя неделя! – подумал Флегонт с усмешкой: пока всё шло так, как он и предполагал. – Да ты и сотой доли того, что мне нужно от тебя не знаешь! Да и неизвестно, то ли ты мне привёз? А пока? Пока я буду очень с тобой любезен!

– Флегонт, черт лысай, ну, ты бушь али нет про Сибирю слушать? Хват кумоку трясти⁶! – обиделся Ерошка, увидев, как отвернул голову в сторону хитрый Флегонт. – Ня хошь? Дак тоды я пыду баб пшшупать!

– Полно, полно, Ерошка, торопиться! Поешь, попей вволю, а потом расскажешь мене, ежели захошь. – вкрадчивым голосом произнес, улыбаясь только одним ртом Флегонт. Он уже был явно встревожен. – Что-то пошло не так, как он задумал. Но что?

Это было пока не понятно.

– Ну, а ежели я щаз хочу? То чё? – Ерошка явно начал заводиться: кулаки его сжали кусок скатерти стола и он готов был уже сдёрнуть всё, что было на нём. – Ить я енто изделал, Флегонт! Изделал!

Слёзы проступили на его бородатом лице и покатались на щёки, показывая Флегонту, что поездка была далеко не лёгкой. В подтверждение этих мыслей, Ерошка разжал кулаки и начал лихорадочно рыться у себя на груди в каких-то складках одежды. Потом оголил живот и ноги. Именно этого момента и ждал Флегонт. А через несколько минут он увидел карту, нарисованную Ерошкой прямо на своём теле.

Словно невидимая пружина подбросила купца. Одним махом перескочив через стул, он оказался у живота Ерошки и стал внимательно рассматривать извилистые очертания рек, треугольнички гор, и волнистые линии лесов, и чистые места равнин. Были здесь и какие-то прямоугольнички. Однако всё это было нарисовано вверх ногами: так как было удобно Ерошке для рисования. Он охал и ахал, показывая пальцем то на реку, то на горы, то на леса. Ерошка же был доволен эффектом, произведённым им на хозяина, и довольно улыбался. Он то и дело, объясняя свои каракули, тыкал пальцем в свой рисунок и давал комментарий.

– Куды с добром, Флегонт! Зверья там да рыбы до хрена! И золотишка много иметца. Народец тама живётъ страннай. Остяками прозывают. Их кузьмить⁷ проще простова: дал имя табак да кумышку⁸ – и дело в шляпе! Усё отдадут! – палец Ерошки показал на один из квадратов на его теле.

– Не можа быть... Ерошка, чёртушка, идол такой... Дак ты усё – таки изделал?! – руки у Флегонта дрожали. Он, не веря тому, что его посланец всё-таки выполнил в полном объёме поставленную задачу, выкрикнул вслух то, что думал. – Ну, Ерошка! Ну и подлец...

Не выдержав нахлынувших чувств, сначала Флегонт, а потом и Ерошка с голым пузом и без портков, пустились в пляс, выкидывая то одну, то другую ногу.

– Ну, Ерошка, позволь поднести, дорогой, особу чашу! – Флегонт налил в большой кубок самогону, а себе долил в стакан. В голове его уже бродили чёрные мысли. – А что, ежели, Ерошка кому-то сболтнёт всё это? Или баба какая узнает про карту на теле и запомнит? Или того хуже, передаст кому следует? Уж лучше бы всё было так, как приказал: нанести на лист бумаги карту Сибири с рудниками и выгодой...

⁶ Кумоку трясти – время тратить (Сибирь, с 1848 г.).

⁷ Кузьмить – обманывать (Сибирь, с 1848 г.).

⁸ Кумышка – самогон местный (Сибирь, с 1848 г.).

А вслух произнёс, улыбаясь, как ни в чём не бывало. – Дак как жо така мысля тебе пришла? Почему не на бумаге карту изделал?

Они чокнулись и выпили. Ерошка совсем размяк. Он упал на стул и долго соображал, что же хочет от него хозяин. А когда дошло, медленно перебирая слова, ответил. – Да не, енто ня я. То охотник один подсказал. За карту-то таку в тайге запросто грохнули ба, а тут не всяк догадатси!

И запел долгую песню про ямщика, замерзшего в степи сибирской.

Флегонт смотрел на Ерошку и удивлялся. – И тот и не тот! Что-то новое в лице его появилось. А тут ещё песни!

Ширь и непомерная силища души русской в них явно виделась. Никогда он таких песен не слышал. И даже зауважал Ерошку на какое-то мгновение.

Однако скоро головушку свою Ерошка подпёр рукой, а потом и вовсе склонился на стол. Здоровый звучный храп Ерошки разбудил во Флегонте чёрные мысли.

– А чё, ежели завтра он проснётся, да пойдёт к моим недругам? Да покажет имя мою карту? – он так и произнёс тихо «мою». Что-то нехорошее зашевелилось внутри него. – Убей его! Он продаст им твою карту!

И невольно Флегонт рукой нащупал ручку ножа. И даже встал, крепко сжимая его в руке.

Но тут кто-то другой в голове будто шепнул. – Подумай, дурак! Ну, убьёшь ты его. А потом? Сядешь в тюрьму! И прощай карта, прощай Сибирь!

И Флегонт опустил нож, а через мгновение вообще положил его на стол. Опустошённый сел на стул, не понимая, что же должен делать. А тот же голос зашептал. – Зачем убивать? Просто срисуй с Ерошки карту, а потом смой нарисованное Ерошкой!

Будто ошпаренный купец вскочил со своего места и заметался в поисках тряпки и куска светлой плотной бумаги. Когда всё это было найдено, он осторожно дотащил Ерошку до топчана и положил его. Раздев догола, зашёл с головы и начал внимательно рассматривать и перерисовывать каждый изгиб реки, каждую мелочь и даже родимые пятна, думая, что Ерошка их специально нарисовал со значением. Так прошло несколько часов, пока работа над картой не была закончена. После этого, он взял ведро с теплой водой и тряпку. Смывание карты прошло без проблем и быстро. Вот только некоторые места не совсем стёрлись... А Ерошка так ничего и не почувствовал.

Утром у Флегонта разболелась голова от страха. Он сразу же вспомнил то, что сделал с Ерошкой вчера и с опаской ждал его пробуждения. В голове никак не находилось ни одной оправдательной мысли.

Ерошка, проснувшись от перепоя, с трудом соображал, держась за голову.

– Ерошка, на-ка, дорогой, опохмелися! – спасительная мысль пришла неожиданно. Флегонт, сорвавшись с места, как холоп подбежал к здоровяку и сунул ему в руку большую чашку самогона.

Чем больше выпивал самогона Ерошка, тем добрее и веселее становилось его перекошенное болью лицо. Почесав живот, он не увидел карты и даже не придал значения этому факту.

Флегонт даже похолодел на мгновение, но, увидев, что Ерошка не очень озабочен исчезновением карты с тела, перешёл в наступление.

– Слышь, Ерошка, карту-то твою я вчерась смыл! – осторожно произнёс он, внимательно наблюдая за посланцем. – Вдруг в баню пойдёшь, да сам не смоешь!

– Да, в баньку-то бы не мешало! – мечтательно произнёс он. – И баб...

– С бабами обождёшь! Никуды оне от тебя не денутси... – строго произнёс Флегонт: он снова держал всё в своих руках. – Пошли, банька готова. Тама и растолкуешь мене некоторы твои знаки!

И поднялся, знаком давая возможность Ерошке следовать за ним. По пути, показав молодухам, облепившим Ерошку, кулак, не переставал тянуть его за рукав, препровождая в баню.

Они снова выпили, закусили. Причём Флегонт только пригубил, а Ерошка не заставил себя упрашивать ипил хозяйский самогон и уминал за обе щёки еду.

Там и достал свою карту, когда остались одни.

– Какова рожна ты карту-то на себе нарисовал? Я так тебе велел? – Флегонт изобразил из себя рассерженного хозяина.

– Да ты не бухти! – начал успокаивать его Ерошка, приняв за чистую монету притворство Флегонта. – Знашь скоко лайдаков⁹ по дорогам мотаеся? Сколь разов мене без порток оставляли? Вот и пришлось так изделать!

Увидев карту, перерисованную хозяином, он цокнул языком от удовольствия. – Хорошо получилось! Вот тут куна¹⁰ водитси, лань, лось. Тут ленок, тальмень, куньжа...

Он с удовольствием тыкал пальцем в места на карте, выплёскивая из себя то, что копил долгое время. – Охотники здесь куркавки¹¹ на соболя ставять, да на куну. Бабы ихния в балахонах из шкур ходють. Куклянка¹² зоветси по ихнему...

Ерошка разошёлся, вспоминая и вспоминая разные эпизоды из своего путешествия. – Тайга-то, она большая! Медведя, волка, лося, оленя много. Ружья, порох, свинец шибко в цене! У мене знакомец один был...

– Почему был? Его что, тоже грохнули?

– Да не. Ня грохнули. Ён в Китай, страну таку подалси торговать ихними товарами! – Ерошка заулыбался, вспомнив своего товарища.

– Енто какими жа товарами? – не унимался Флегонт.

– Да ерунда разная. Шкурки, золотишко. Ружья, порох, свинец...

– Ну и чё ж с им стало?

– Да болтали, будто не вернулси. Уж больно много там разбойников! – Ерошка внимательно посмотрел сначала карту, а потом себя и довольно цокнул языком. – Ишь, ты! Я уже думал... А тут ишшо осталось...

И начал Ерошка тыкать себя пальцем то в бок, то в промежность, то в пах, то в ноги, расшифровывая свои пометки, которые Флегонт или вообще не заметил, или не придавал никакого значения. Флегонт, попутно рассматривая фигуру Ерошки, не мог не признать, что проигрывал ему во всём...

Он усердно парил своего посыльного особенно там, где вчера не смыл его карту. Вместе с картой в банке сползла многодневная грязь. Там же он получил за свой труд обещанное вознаграждение.

2.

Хоть и душила Флегонта лютая зависть к молодому и ладному Ерошке, да разум был сильнее: такой помощник ему в Сибири был очень нужен!

– Кого же оставить здесь? Дело налажено хорошо. Прибыль шла каждый день... – напряженно думал Флегонт, отдыхая после баньки. Он перебирал в уме всех, кого знал. – Жена Гликерия? Мягка, бестолкова. Вряд ли сможет! Тут нужна крепкая рука... Дети? Нет, эти ещё маленькие – Глашке шесть... Мишка? Всего шестнадцать. Слабоват! Да и знаний маловато. Хватки нету. Может, кто из родни жены?

⁹ Лайдак – воришка (Сибирь, с 1848 г.).

¹⁰ Куна – куница (Сибирь, с 1848 г.).

¹¹ Куркавки – капканы (Сибирь, с 1848 г.).

¹² Куклянка – доха, шуба (Сибирь, с 1848 г.).

Последняя мысль была настолько замечательная, что Флегонт быстро вычислил человека, которому без всякой опаски мог доверить это дело. И незаметно для себя произнёс вслух. – Мой двоюродный брат, Алексей!

Чем больше Флегонт рассматривал кандидатуру Алексея Дубовцева, тем больше она ему нравилась. Во-первых, Алексей был человеком честным во всех отношениях и хорошо образованным в науках управления. Даже одно время служил приказчиком у воронежских друзей Флегонта и заслужил их похвалу. Во-вторых, у Гликерии он красть не станет: всё-таки мой родной брат! В-третьих, и ей будет не так скучно. А, значит, появится возможность заняться сибирским делом!

Не откладывая своего решения в долгий ящик, он отправил письмо Алексею с первым курьером и стал дожидаться ответа. Ответ пришёл быстро: Алексей был согласен и сообщал, когда будет готов приехать в Екатеринбург.

Гликерия, прочитав ответ брата Флегонта, пришла в недоумение. – Флегонт, ты что опять задумал? Ты предлагаешь Алексею место управляющего, а сам чем собираешься заниматься?

– Делом, большим делом! Но это не твоего ума дело! – грубо ответил он, даже не пытаясь скрывать нежелание делиться с ней своими замыслами и даже разговаривать. И неудивительно – в последние дни он был полностью поглощён своей затеей.

Гликерия Сергеевна лишь прижала к глазам платок и молча вышла из комнаты...

– Не понял?! Я спал на посту? – пробормотал я, открывая глаза, и потряс головой, сам себя оправдывая. – И вовсе нет... Это мысли такие...

Какое-то время я не решался открыть снова тетрадь, чтобы не уснуть, пока не пришла спасительная мысль о том, что это не сон, такой вид дрёмы, в котором можно было перенестись в прошлое. – Значит, на посту я не спал!

– Да-а-а, теперь, кажется, становится понятно, почему мы в Сибирь попали! – произнёс тихо он и усмехнулся. Подбросив дров в костёр, он начал читать дальше дневник Михаила.

3.

«г. Полевской, октябрь 1868 года.

Вместо себя отец оставил Алексея, своего младшего брата. Вместе с ним приехала его дочь Матрёна. Ещё та зараза! Ей шестнадцать лет, а уже кукизка¹³! Я видел, как она в кабинет к отцу шла, а потом полночи слушал, как они с отцом там стонали да кувыркались... И с собой в Сибирь прихватил... Ненавижу! Изменщик...»

Стоило мне прикрыть глаза, как тут же меня перенесло в далекое прошлое...

Флегонт стоял у окна и наблюдал за шестнадцатилетним сыном, который свалил на землю соседского парня. – Ну, давай! Чё тянешь? Дай ему как следует!

– Мишка, паршивец такой! А ну, домой!

Крик Гликерии Сергеевны даже разозлил Флегонта. – Вот, зараза! Такое зрелище испортила! А ентот паршивец? Ну чё тянул?!

Меж тем парнишка, скорчил матери недовольную рожицу, неохотно разжал руки и показал своему противнику кулак. Парнишка что-то дерзкое выкрикнул и вырвался из его рук.

– Ты мене ишшо попадэсси! – и успел крикнуть ему Мишка, прежде, чем тот исчез в дыре забора. А матери дерзко ответил. – Аха, жди больша! Иди вона, Глашку воспитывай!

– Ну и дуришша! – подумал Флегонт о своей жене. Но тут взгляд его упал на раскрасневшегося Мишку. Чувство неудовлетворенности от не свершившегося родило даже злость на сына. – Ишь ты, надо было набить ему морду! Слабак! Женин корень, нету в нём ничаво от меня!

¹³ Кукизка – падшая женщина (Урал, с 1848 г.)

Меж тем из сарая, как на грех, грязная и оборванная, вытирая о подол свои руки, появилась Глашка.

– Глашка! Убью, ненавистная! – закричала Гликерия Сергеевна и схватила первую попавшуюся под руки палку.

Глашка, недолго думая, тут же нырнула снова в дыру сарая и исчезла в темноте.

Флегонт рассмеялся. – Во! Вот Глашка – та вся в меня!

Пока Гликерия Сергеевна ходила за ключом от замка сарая, искала её, Глашка пробралась на кухню, отмыла руки и лицо, и как ни в чём не бывало, оказалась в своей комнате.

Флегонту Глашка нравилась. Во-первых, последний ребёнок. Во-вторых, девочка, а женский пол всегда нравился Флегонту. В-третьих, она поразительно походила на него не только лицом, но и по хваткам. А теперь он ещё раз в этом убедился.

Мишка же был другой. С ним у отца ничего не клеилось. Он вообще не слушался никого. Хоть и сам Флегонт был таким, но этот не оказывал отцу никакого почтения. Конечно, он понимал, что должен был сам заниматься сыном, но то времени не было, то дела, то ещё что-нибудь. Так и не доходили руки всё это время. Вот и рос Мишка сам по себе, как сорная трава.

Меж тем с каждым годом отношения с женой у Флегонта становились всё хуже и хуже. Возможно, оттого и схватился он три года назад за разработку сибирского дела. И вот первый результат. Но дело требовало идти дальше. И Флегонт пошёл. Они с Ерошкой даже определили место в Сибири – им стал небольшой городишко, под названием Новониколаевск. Именно Ерошку он послал в Новониколаевск с необходимым добром для начала торгового дела в Сибири. Сам же остался для передачи дела здесь Алексею.

Алексей с семьёй приехал, когда все назначенные им сроки кончились, и Флегонт уже был готов махнуть на всё рукой и укатить в Сибирь. Поэтому встретил Алексея довольно холодно и официально.

Брат почти не изменился с их последней встречи пятилетней давности. Ну, может, добавилось больше седых волос в его каштановой шевелюре. Глаза по-прежнему остро оценивали действительность и не потеряли своего зеленовато-коричневого цвета. Однако, что-то новое и страдальческое мелькнуло в его глазах: тогда такого Флегонт у него этого не замечал. Они лишь просто обменялись крепким рукопожатием.

– Алексей, голубчик мой, как вы доехали? – Гликерия Сергеевна обнимала двоюродного брата Флегонта, искренне радуясь его приезду.

– Всё нормально! Вот только дочка в дороге что-то занемогла. – произнёс он, освобождаясь от её объятий.

Нина Петровна стала ещё полнее и разговорчивее, чем прежде. Она тут же уединилась с хозяйкой, чтобы посплетничать.

Пока хозяйка обнимала и расспрашивала жену Алексея, Нину Петровну, Флегонт заглянул в сани, где лежала, укрытая собачьей шубой, дочь Алексея.

Глаза, черные, пронизывающие насквозь, обожгли всё нутро Флегонта. Он вздрогнул и сразу же вспотел! И снова посмотрел в них, потому что уже не мог не смотреть – так они притягивали! Что-то запретное, невыразимо сладкое шевельнулось в его сердце. И тут же зажегся огонь где-то внутри между ног! Флегонт знал это чувство, и невольно испугался: лишь один только раз в своей жизни он испытал его, но запомнил на всю жизнь. То было в бесшабашной молодости, а сейчас он был просто не готов к испытанию его вновь! Тем более что перед ним была дочь его близкого родственника. Того самого человека, которому он был готов оставить дело всей своей жизни. И с трудом оторвал ошупывающий взгляд от полных гладких ног, груди и влажных губ. Очарование распускающегося бутона дурманило голову...

– Ну, чего стоишь? Неси! – приказала дерзкая красавица.

Флегонт будто только и ждал этого приказа: легко взяв её на руки, он задрожал всем телом от нахлынувшего возбуждения, сделал шаг, другой и, не спеша, наслаждаясь бурей, бушующей внутри него, понёс в дом. Лишь только он вошел в тёмный коридор, губы её коснулись его губ!

Флегонт чуть не уронил свою ношу – так закружилась его голова! Будто снова он в юности и рядом его первая любовь. Поцелуй был долгим, жгучим и умелым – так могла целоваться только одна женщина: та самая... Первая... Вихрь возродившихся чувств быстро подхватил его и бросил куда-то вверх, до небес, а потом резко вниз, сильно щекоча что-то в промежности. Очнувшись, он сделал шаг, другой, вышел на свет... И от удивления чуть не выронил свою ношу: как ни в чём не бывало на руках его было тело девушки со свешенной в сторону головой и отрешённым лицом.

4.

В доме девушку поставили на ноги и отвели в предназначенную ей комнату, которая оказалась по соседству с кабинетом Флегонта.

Флегонт налил два бокала вина и подошёл к Алексею. Они выпили, поговорили обо всём, и пошли в столовую на ужин. Там уже за стол садились их жёны. Дочь Алексея к ужину не вышла, сославшись на нездоровье, вызвав тихое раздражение отца, не укрывшееся от Флегонта. Этот эпизод и послужил основанием для вывода о том, что именно дочь является для Алексея причиной страданий. И готов был с этим согласиться. За столом он понял, что маленькая прелестница Мотька, имеет какую-то тайну, о которой родители никак не хотят распространяться.

– Да... Ядрёна Матрёна! – произнёс про себя Флегонт. Он ещё никак не мог прийти в себя, не понимая, что же такое случилось с ним? И, вообще, было ли это? – А глазищи-то так и сверкают! Магнит, а не девка! У-у, ведьма!

Ему снова вспомнились её соблазнительные формы и притягательные глазки.

– У-у, ведьма! – чуть не произнёс вслух Флегонт и тут же огляделся: не услышал ли кто его мысли? Покрутив головой, сбросил наваждение и перешёл к деловому разговору, кратко и без предисловий предложив Алексею оставаться за него несколько лет, пока он не наладит торговое дело в Сибири.

Ночью ему приснился сон, в котором он встречает удивительную прелестницу Матрёну у себя в спальне. Платье голубого цвета показывало тонкую талию и широкие бёдра, а открытое декольте очень выгодно показывало её необычайных размеров развитую грудь. Рыжевато-каштановые волосы, стянутые на макушке в пучок, очень гармонировали с её чёрными хищными глазами. Большие и пухлые губы малинового цвета вдруг растянулись в улыбку, показывая щель между двумя верхними передними зубами, в которую его начала втягивать неведомая сила...

Матрёна, ухмыляясь чему-то, хищно смотрела на него своими бесовскими глазами. Как кролик перед удавом, Флегонт готов был делать всё, что потребует от него эта женщина. А она лишь выставила свою грудь, распахнув спальную рубашку. Не в силах оторваться от её груди, хозяин стоял как болван, не шевелясь. Стрельнув в него своими глазищами, Матрёна улыбнулась и пошла на свет неторопливым шагом. Словно в белом тумане просвечивал силуэт её ягодиц, живота и груди, вызывая у Флегонта сильнейшее желание, от которого он застонал, как больной.

Он застонал и вскочил – так ему стало страшно! Поняв, что это был только сон, Флегонт налил себе стакан самогонки и выпил одним махом.

– Ведьма... Чистая ведьма! – подумал он о Матрёне и лёг спать.

Утром он начал передавать Алексею своё хозяйство, старательно прокладывая путь так, чтобы ни в коем случае не пересекаться с уже властвовавшей в нём ведьмой.

Так пролетели три дня. Как стало обычным, мужики подолгу засиживались в кабинете за делами и даже заказывали ужин. Но в этот раз почему-то Алексей, сославшись на необходимость, ушёл значительно раньше, оставив одного Флегонта в кабинете.

Было уже за полночь. Он стоял у окна в кабинете и смотрел на полную луну, которая ярко светила в ночном небе. На душе было противно и грустно: сегодня он случайно видел, как Мишка и Мотря разговаривали, сидя на диване. Она явно заигрывала. Мишка, как взрослый мужик, тоже улыбался во весь рот. Защемило сердце от чего-то горького, и тут же волна жгучей ревности к девушке захлестнула его.

Флегонт открыл дверцу шкафчика, налил стопку самогонки и выпил. Жгучая жидкость на время выгнала жгучую ревность.

Тихий стук в дверь заставил ёкнуть сердце: ноги и руки его мгновенно стали ватными... Что-то внутри него говорило – это она! На второй стук он почти бежал...

Чертовка стояла на пороге в распахнутой спальной рубашке. Как тогда во сне! И улыбалась.

Её распущенные волосы подействовали так, что он мгновенно вспотел и сделал шаг назад, как бы защищаясь от всего виденного во сне. Черные глаза её словно два крыла подхватили его и понесли куда-то высоко так, что дух захватило.

Она же, сделав два шага вперёд, закрыла дверь на ключ, который торчал из замочной скважины. Повернувшись к Флегонту, скинула рубашку и осталась совершенно голой. Флегонт, как замороженный, молча стоял, наблюдая за ней во все глаза и не мог проронить ни слова. В душе его набирал силу вихрь, с которым он больше не мог справиться.

– Ну? Ты долго ишшо? Ить могу и Ерошку позвать, раз сам не могёшь? Так чё?

Она шла, хищно улыбаясь над тем, как несчастный Флегонт пытался справиться с нахлынувшими чувствами, и наслаждалась его беспомощностью. Он стоял, готовый рухнуть к её ногам и целовать их, но не мог и пошевелинуться, прося, как несчастный о пощаде.

Ведьма подошла к своей жертве, довольная произведённым впечатлением и жарко в губы поцеловала. Что-то животное внутри него зажглось, крутя в вихре и делая абсолютно беспомощным. Руки его тряслись и гладили её кожу сами по себе, рот впитывал греховный напиток, ощущая сладость и соль её губ, шеи, груди... Хищница же смеялась, доводя до бесчувствия его этим... Он и сам не понял, как оказался голым и прямо на полу вошёл в неё.

Вдруг она застонала, выгнула грудь и вонзилась в него своими жесткими пальцами. В груди у него уже волнами развивался шторм. Он то стихал, то вновь набегал от её стонов и криков. Вдруг он увидел, как бы себя со стороны, и ужаснулся: это был не он! Огромный чёрный волчище, оскалив большие зубы, рвал душу молодой волчицы, причиняя себе и ей ужасную боль, и чуть не завыл. Как это ни странно, но боль, причиняемая ею, только усиливала его страшные ощущения...

Матрёна, бившаяся в конвульсиях и столах от его ударов, раз за разом вызывала в нём что-то огромное, ни разу им не испытанное, охватившее его целиком. И вот она, та самая большая волна... Она захлестнула,хватила, ударила по голове и всему телу... Он зарычал как раненный зверь и завыл от наслаждения, выстреливая из пушки и наслаждаясь полётом семени... Ещё раз... И ещё раз... Шторм утихал...

Что-то светлое, давно не получаемое им, навалилось на голову, всё тело. Он откинулся и замер. В душе было так спокойно, будто его корабль, идущий по торговому морю, легко и свободно парит над волнами. Ветер утих, а корабль идёт и идёт. Такой уверенности в своём будущем он никогда ещё не испытывал. Душа пела и устремилась вперёд, не страшась ничего впереди. Такое с ним никогда не случалось ни с одной женщиной за всю свою долгую жизнь!

Увидев её прекрасное молодое тело, лежащее рядом с ним, желание вновь охватило его. И, накинувшись на неё, как дикий зверь, он зарычал и снова начал терзать его, добиваясь того же чувства, что было недавно им испытано. Но, тщетно! Что-то ушло, исчезло! Даже выстрела

не получилось... И ужасное ощущение своей беспомощности и старости навалилось на него... Кое-как поднявшись, оделся сам и надел рубашку на молодую женщину, находящуюся в глубоком обмороке. Так и отнёс в её комнату и положил на кровать.

– Может, ещё разок? – спокойно спросила она, хитро подмигнув ему.

Он даже вздрогнул, услышав спокойно-холодные слова. Вспомнив, чем закончилось его повторное желание, даже испугался. Вдруг что-то оборвалось в его душе. – Как? Она всё это время притворялась?

Холод и усталость разом охватили его душу и тело. В голове то и дело крутились одни и те же мысли. – Не понимаю! Как так можно? Ведьма... Точно, ведьма!

Утром Флегонт почувствовал сильную боль в височной части головы и полную опустошенность. Делать ничего не хотелось, даже голод отступил. В руках не было силы, чтобы подняться. Он лежал на спине и тупо смотрел в потолок и пытался вспомнить, что же произошло вчера. Пошевелил рукой и посмотрел: ни серой шерсти, ни когтей. И ноги оказались как обычно. И клыков никаких. Он встал и посмотрел в зеркало: на него смотрел усталый бородастый мужик.

– Значит, мне всё это приснилось! – с грустью произнёс старый развратник и тут же вспомнил, что ему сегодня нужно закончить передачу дел Алексею.

5.

Умывшись и, заказав себе завтрак в кабинет, он стал ждать его.

Брат не заставил себя ждать долго: строго в назначенное время, он постучал в дверь и вошёл. Увидев усталого, помятого и разом как-то состарившегося Флегонта, он всё сразу же понял.

– Послушай, Флегонт! – с грустью и как-то виновато произнёс Алексей, и взял Флегонта за руку. – Помнишь, я ничего тебе не ответил на твой вопрос «Почему я так рано поседел?». Так вот, в этом виновата Матрёна. Несмотря на свои шестнадцать лет, как ты вчера сам убедился, она далеко не девушка. В этом году она свела с ума здорового женатого мужика своими ненормальными потребностями. На нас начали пальцами показывать, мол, у них такая – сякая дочка. Толи ведьма, толи падшая женщина. Поэтому и согласился сразу же: нужно было уезжать куда-то. Жизни бы нам там хоть как не дали бы!

Он вздохнул и, взглянув Флегонту прямо в глаза, добавил. – Брось её! Она может тебя погубить...

Кровь прилила к лицу Флегонта. – Так это было наяву? И все в доме слышали? Какой позор!

Но тут же кто-то внутри него спросил, внося сомнение. – А, может, он тебя испытывает? А никто ничего и не слышал? Да и что с того? Дом-то чей? Твой! Мало ли чем ты занимаешься?!

И дрожащим голосом, с хлипкой надеждой, он всё же спросил Алексея. – А почему ты думаешь, что я был ночью именно с ней?

– А потому, что тот, кто был прежде тебя с нею, имел те же синяки, укусы и то же состояние. И он был моим другом! Не забывай, что мы спим в соседней комнате с кабинетом...

– Как же ты можешь так говорить о ней, ведь это твоя дочь... – с легким укором произнёс Флегонт, чтобы хоть как-то выровнять позиции.

– А, по-твоему, я должен снова молчать и смотреть, как появится вторая жертва её неуёмной страсти? Ведь на этот раз не только друг, но и родственник!

Флегонт закурил: два чувства боролись в нём. С одной стороны – бешеная страсть к молодой и притягательной ведьме, с другой – осторожность и деловой долг. Он курил и курил,

а это означало, что пока долг побеждал. Но надолго ли? Они с Алексеем закончили все свои дела и теперь просто беседовали о разном. Так и закончился этот день.

А ночью Мотька опять пришла. И всё повторилось снова: призывные стоны, царапанье спины её жесткими пальцами и шторм... И опять огромный чёрный волчище рвал душу Флегонта, но в этот раз он, зарывав дико и страшно во время экстаза, потерял сознание... А утром разламывалась голова, не предвещающая ему ничего хорошего. Что происходило дальше ночью, он совсем не помнил и это сильно пугало. Спина горела от кровавых полос, оставленных ночной гостьей.

Жена, увидев разом постаревшего мужа, сначала насмешливо, а потом зло произнесла. – Ну, ты, Флегонт, даёшь! Так орал, так орал... Енто всё Мотька, шалава! Да и ты хорош, изменщик! И с родственницей! Хоть ба меня постыдился: всю ночь проревела... У-у, ненавижу тебе!

Флегонту было очень стыдно, даже в глаза жене не смотрел. Однако вчерашний вечер показал, что он совершенно беспомощен против этой молодой прелестницы! А ещё ему было страшно, что вместе с этим в нём происходят ужасные перемены, и ведь такого раньше никогда и ни с одной из девок не случалось.

6.

Когда Алексей предложил ему перебраться на заимку от греха подальше, Флегонт тут же согласился. – Да, так будет лучше!

Там он и пробыл все последние три дня. Однако, чтобы попрощаться, всё-таки нужно было ехать домой. Алексей, чтобы Мотька не испортила отъезд Флегонту, запер её в комнате.

Прощание было коротким: сначала он простился с Алексеем и его женой, потом – со своей женой, которая холодно посмотрела на него и всё-таки обняла на прощание, но целовать так и не стала.

Глашка просто упала на его плечо и прижалась. Сердце его сжалось от жалости к её незащищённости. Поцеловав в щёку, ласково попросила «Приезжай!». Поцеловав дочку, он чуть не заплакал.

Мишка тоже вышел попрощаться, но при этом, обнимая отца, часто смотрел в сторону, смахивая слёзы...

Флегонт прыгнул в сани своего каравана и крикнул Ерошке. – Ну, пошёл! Пошёл...

Позади остался дом, а чувство, что больше он уже сюда никогда не вернётся, не покидало Флегонта. Завернувшись в тулуп, он закрыл глаза, как только, выехали на сибирский тракт. В голову полезли неясные настойчивые мысли и эпизоды из его встреч с Мотькой...

– Тпр – рру! – крикнул неожиданно Ерошка, натянув вожжи. – Ты чо, дура, делаешь? Под сани захотела? Кукша¹⁴, ядрёна вошь, а не девка!

Сердце Флегонта разом ёкнуло и опустилось куда-то вниз: хоть он по-прежнему не открывал глаза, однако, знал, всем нутром чуял, кто сейчас стоял на дороге его саней. И боялся открыть глаза!

– Флегонт, ты меня слышишь? Почему поехал без меня?

Флегонт вздрогнул и перекрестился: этот голос он не мог спутать ни с одним другим.

– Я не уйду с дороги, пока не возьмешь с собой! – грозно произнесла Мотька и схватила лошадь за узду.

– Слышь, Флегонт, можешь её послать к такой-то матери? Али кнутом попотчевать? – Ерошка явно сердился.

¹⁴ Кукша – толстуха (Сибирь, с 1848 г.).

– Пусти её... Пушшай лезть в сани... – обречённо произнёс Флегонт. – Ня бросать жа её тута... Замёрзнуть...

– Эй ты, халда! – недовольно крикнул Ерошка Мотьке. – Лезь в сани! Барин тебе зоветь... Да кунку-то закрой!

Мотька дрожала всем телом: разбив окно в своей комнате, она прихватила лишь то, что было там. Надев валенки и кое-что из верхней одежды, она выпрыгнула в снег и побежала огородами к тракту, твёрдо зная, что в Сибирь есть только одна дорога...

Клацая зубами от холода, в слезах, простоволосая, она полезла в сани.

– И ты ба... Ты ба без меня уехал?

Флегонт почувствовал себя кроликом перед удавом, и зачарованно, помотал головой.

– И не вздумай меня отправлять назад! К папаше... – посмотрев на него мутными глазами, грозно произнесла Мотька, прежде чем голова её упала Флегонту на грудь.

– Нет, нет... – заторопился ответить он, обнимая и целуя её голову.

Ерошка удивлённо смотрел на всё происходящее перед ним: никогда таким кротким хозяина он не видел.

– Ну, чё стоишь? Погоняй! Да побыстрей! Вишь у неё жар...

Ерошка вздохнул и тихо произнёс. – Ну и дурак жа ты, Флегонт! Таку халду¹⁵ с собой берёшь...

И стегнул коней...

– Как так мог поступить прародитель мой, Флегонт Дубовцев? – открываю глаза, а из души рвутся слова. Смотрю в надежде на огонь и жду... Может, он что-то подскажет? Но тут пришла новая мысль. – А что же Михаил пишет дальше?

И стал читать дневник дальше.

¹⁵ Халда – никчемная женщина (Сибирь, с 1848 г.).

Глава 2. Михаил и Нина.

1.

«г. Полевской, май 1872 года.

Навестил друга. Он познакомил меня с очень милой девушкой. Зовут её Нина. Кажется, я влюблён. Отец уже четыре года как в Сибири. Ни одного письма, ни одной весточки за все эти годы не было, а тут вдруг письмо. Оказывается, он смертельно болен и просит меня к нему приехать, выслушать его волю. Как это сейчас некстати! Но мать просит выполнить волю отца...»

Мне уже интересно, что же будет дальше, и Пашка, отдохнув, снова начала меня вводить в гипноз. И я прикрываю глаза, глядя на огонь...

Молодой человек чуть выше среднего роста, полноватый, в чёрном костюме и чёрных штиблетах настойчиво прорывался сквозь толпу торговков, внимательно оглядывая русских девушек, разодетых в разноцветные кофты и юбки. Такие бабёнки ему нравились гораздо больше, чем скромницы, надевавшие строгую однотонную одежду. Кого-то из них он, как бы невзначай, погладил по крутому бедру, а кого и поцеловал в щёчку. Бабёнки не кочевряжились, и, зазывно улыбаясь, приглашали с собой.

Но молодой человек, весело отшучиваясь, шёл дальше и не особенно обращал на эти знаки внимания. Он торопился к другу, приехавшего сегодня, которого давно не видел.

– Мишка, чёрт пузатый! Ты где ходишь? – встретил его у дома старый друг, сын горнозаводчика Пантелеева. – Да-а, давненько мы с тобой не виделись. Ко мне такие местные барышни пришли! Пойдём скорее, познакомлю!

– Володька, паразит окаянный! Ты нисколько не изменился! – довольно хмыкнул Михаил. И добавил. – Всё по барышням столичным шастаешь?

– Я, думаю, тебе уже давно пора бросить своих милых потаскушек и переключиться на более серьёзную рыбу! – парировал Владимир, улыбаясь.

– Ну, я, думаю, это никогда не поздно... – грустно заметил Михаил и невольно вспомнил отца.

Четыре года прошло, как уехал отец. Злость прошла сама собой: встречи с девушками открыли ему новые чувства, о которых он и не подозревал. В какой-то степени он теперь уже начал понимать отца, но до конца ещё простить не мог. Возможно, и потому, что тот ни разу не написал ни одного письма. Из скупых разговоров Алексея с матерью он невольно сделал вывод о том, что дела отца идут плохо. И даже был рад этому. – Так ему и надо!

В доме Пантелеевых было всё, как в модных домах Полевского, где хозяева торопились не сильно отставать от столичной моды. На диване сидели две молодые барышни в светлых однотонных платьях.

– Прошу любить и жаловать моего лучшего друга Михаила Дубовцева! – представил Владимир своего гостя барышням. – Это Ольга Строганова, а это Нина Муралина.

Первой ему подала руку Строганова и присела.

– Стройна, холодна и хороша... – Михаил слегка пожал руку светловолосой девушке среднего роста с утонченными чертами лица, невольно отмечая её достоинства и недостатки. И почему-то про себя добавил. – Как статуя...

Вторая была более живая: она не только подала руку, но и искренно улыбнулась ему без всякого приседания. И тут же смутилась

– Эта поживее будет, пожалуй. И попроще! – он улыбнулся в ответ голубоглазой и темно-русой девушке, пожимая её нежную руку. – Живая полняшка. Как наши девушки! Ишь, как смутилась... Чему это, интересно?

Михаил сделал глазами знак хозяину, как бы спрашивая. – Скажи, которая твоя?

И тут же получил ответ, который больше всего устраивал: «Строганова». Для подтверждения своих слов, он подхватил Ольгу и увёл в сторону, о чём-то начав ей рассказывать живо и весело. Было видно, что такое общение этой девушке нравилось.

Вздыхнув незаметно и присев на освободившееся место, тихо и просто спросил. – Ты, какие конфеты любишь? Мне, кажется, вон там, в вазочке, лежат неплохие конфеты!

От такого вопроса Нина вспыхнула, как спичка: она уже не раз посматривала на эту вазочку, старательно пряча свою любовь к конфетам. Вопрос Михаила застал её врасплох. Стало необходимо немедленно решить, что важнее – манеры или конфеты. Сглотнув слюну, она, разом выпучила глаза, поняв, что её каким-то образом разоблачили, сдалась на милость победителя, и тихо выдохнула. – Ага...

Михаил, с удовольствием отметив, что и у него и у неё – одни и те же пристрастия. На душе сразу же стало легче.

– Любишь конфеты? – с коварством иезуита спросил он Нину, заранее зная ответ.

– Люблю... – смущённо призналась почти шепотом девушка.

– Я тоже люблю... – тихо признался Михаил и, кивнув в сторону столика с конфетами, предложил. – Давай сделаем нападение на тот столик?

Володя, услышав этот диалог, рассмеялся. – Ладно, сладкоежки, нападайте на конфеты... Но помните – впереди ещё обед!

От этих слов Нина вспыхнула и покраснела. Веснушки на её круглом лице невольно стали ещё ярче. Как молодой бутон, только-только распутившийся навстречу жизни и налитый жизненными соками сверх меры, она не знакомилась раньше ни с кем вот так официально, просяживая с конфетами за книжками. Естественно, что никакой реальной жизни она не видела. Знакомство с таким же молодым человеком, имевшим ту же страсть к конфетам, сразу же сблизила с ним. Кроме того, его непосредственное поведение, весёлый нрав и доброта как-то быстро располагали к нему.

Следует отметить, что именно за эти качества, проявленные им по отношению к дворовым и соседским девкам, Мишку парни не раз бивали: как-то так получалось, что этот толстяк незаметно отбивал у них предмет их любви.

Усевшись за столом, Михаил облизнулся и, глянув на свою соседку, тихо произнёс. – Ну, что, барышня, ударим по конфетам?!

И тут же поднёс всю вазочку. Не в силах отказаться от столь сильного искушения, она кивнула и взяла сразу же несколько конфет из вазочки. Кавалер сделал то же самое, довольно хмыкнув.

– Разве можно портить такую простоту и наивность своими пороками? – рассматривая юное лицо толстушки, решил он. – Поговорим, поговорим, да разбежимся!

И болтал без умолку обо всём, что видел, замечал или просто подсматривал за всеми, кого встречал когда-то. Нина весело смеялась, не забывая про конфеты, потому что и напарник делал то же самое.

Если бы Михаил знал, что разбудил в сердце непорочной девушки невольную влюблённость, возможно, он не стал бы с ней так вести себя. Но он так вёл себя всегда с соседскими девушками и не подозревал о том, что принесёт Нине эта безобидная встреча. Проводив вместе с другом барышень до дома, он простился и ушёл, оставив в сердце невольную теплоту от этой встречи. И ничего больше.

2.

Дома его ждал сюрприз – пришло письмо от отца, в котором он извещал всех, что болен смертельно и ждёт в Томске Михаила для изъявления своей воли.

Если раньше Михаил всё-таки ждал какой-то весточки от отца, которого любил, то теперь эта весточка застала его врасплох. И тут сразу ж возникло множество вопросов.

– Что же случилось, ведь четыре года назад он был здоров? А где Мотька? – О том, что она тоже уехала с отцом в день его отъезда им сообщили знакомые, видевшие их в начале пути. – Это эта гадина во всём виновата!

Михаил почернел разом, выплёскивая своё отношение к этой девушке, изменившей его отношение к отцу. Это было проявление жгучей ревности, и он теперь не скрывал его. Однако сейчас, встретив девушку, которая явно пришлась ему по сердцу, с ней хотелось продолжить общение, а предсмертное распоряжение отца требовало немедленного отъезда. Позови он Михаила раньше, бросился бы, не задумываясь, но теперь? Две силы боролись в его душе: влюблённость и обязанность. И обе мешали друг другу.

Мать, увидев, какую реакцию вызвало письмо отца у сына, подошла к нему, обняла за плечи и тихо сказала. – Мишенька, сынок... Это ведь твой отец. Ты обязан выполнить его предсмертные слова! Езжай, сынок...

Она давно уже простила Флегонта, внутренне обвинив во всём и возненавидев Матрёну, как разлучницу. Тем более что в письме, ни разу не обмолвившись о ней, он просил у всех прощения...

И Михаил, вздохнув, начал готовиться к отъезду...

– Да-а, парню не позавидуешь! А что же было с отцом? Где Мотька? – вздохнув, открываю глаза, и, подбросив веток в огонь, читаю дальше дневник.

3.

«Г. Новониколаевск, июль 1872 года.

Сибирь бескрайняя, леса её огромные, реки широкие. Отец сильно сдал, постарел, похудел. Виной всему – Мотька. Оказывается, она настоящая ведьма! Навела порчу на отца, и теперь он умирает. Отец хочет, чтобы я стал торговцем, и отправляет меня в какую-то Маньчжурию с караваном купцов. Накоплю много денег и женюсь на Нине»

Смотрю на огонь, глаза сами закрываются, и представляю прошлое...

Серые деревянные домишки Новониколаевска снова напомнили Михаилу об отце. Всю дорогу он снова и снова оценивал поступок отца со всех сторон. Прошло четыре года, боль немного утихла, а после того, как отец в письме попросил у всех прощения, и вовсе ушла. Да и сам он изменился: мысли о Нине неотступно преследовали его и днём и ночью. В отличие от предыдущих встреч с женским полом, немедленного желания залезть под юбку Нины у него не появлялось. И это было ново и неожиданно, так как раньше в голове молодого парня укоренилась только эта мысль. Однако после встречи с Ниной всё перевернулось: захотелось просто быть рядом, говорить, обсуждать, спорить и помогать ей жить. Даже появились мечты о совместной жизни...

С одной стороны, то, что отец выбрал Мотьку, как женщину, теперь уже оценивалось не так уж плохо, как это было четыре года назад: а по его теперешним понятиям фигурка, и мордашка были у неё не плохи. С другой стороны, он ради этой потаскушки бросил семью, а, значит, и его самого, вызывало раньше ненависть. Да, он ревновал отца к какой-то Мотьке... К матери – нет, а вот к Мотьке – да! Но всё это было уже в прошлом: и ненависть, и ревность... Теперь, сам побывав в объятиях местных потаскушек, сам факт измены им уже не так

негативно воспринимался. Он и сам неоднократно бросал своих подружек! Одним словом, в голове стоял такой кавардак, что единственно правильное решение пришло уже при подъезде к Новониколаевску.

– Вот приеду и спрошу его. Пусть объяснит мне, как так получилось? – решил он, и все волнения, кроме встречи с отцом, сами собой улеглись.

После этого вплоть до самого Новониколаевска он спокойно и с восторгом наблюдал величественную широту пространства и огромность всего, что окружало его: и лес, и реки, и поля, и горы снега.

Ямщик довёз Михаила до большого дома, огороженного крепким забором. Расплатившись с ямщиком и отпустив его, начал ногой колотить в деревянные ворота. На его стук вышел сам отец.

– Как сильно изменился отец... Поседел, полысел... Даже ниже ростом стал! – Михаил рассматривал отца и не узнавал его – так сильно изменился тот с последней их встречи.

– Приехал! Всё-таки... – пробормотал Флегонт, обнимая сына. – А я уж думал... Мать не отпустить!

– Здравствуй, отец! – у Михаила навернулись слёзы. – Напрасно ты о ней так думаешь! Тебе письмо от неё привёз. Это она меня к тебе направила!

Слёзы появились на небритых щеках Флегонта. Он тут же закашлялся.

– Ты прости, меня, сынок! Так уж получилось, чёрт попутал! Я не смог супротивиться ей... – и снова заглянул в глаза сыну. – Но деньги вам исправно посылал, могёшь не сумлеваться...

Он отстранился, разглядывая Михаила. Потом улыбнулся горько и восхищенно произнёс. – А ты, сынок, каков барин стал? И рожей гладкой. И телом справной...

– А где же эта стерва? – невольно зло выскочило изо рта сына.

– А, нету... Сбежала она с Ерошкой в первый же год! – горько произнёс Флегонт и как-то даже скукожился. – Да ты чего стоишь – то? Пойдём в дом! А то мне и без того хреново...

И рукой подтолкнул Михаила в дом, а сам закрыл ворота и накиннул засов.

Михаилу стало вдруг так жалко отца, что слеза невольно покатилась по щеке. Он шёл в дом, уже с новым, неведомым ему чувством, радостно ощущая отсутствие той, которую ненавидел всё это время больше всего. Он обнял отца крепко-крепко, как это делал со своим другом, и невольно понял, что мечтал это сделать все четыре года.

За едой и самогонкой они проговорили обо всём. Михаил рассказывал о Глашке и матери, с болью в душе наблюдая, как беззвучно плачет отец и вытирает слёзы, не стесняясь сына. От злости на Мотьку у него даже кулаки сжимались. А отец рассказал ему, как на духу, всё, что произошло тогда, перед и во время отъезда.

– Сынок, я ж позвал тебя неспроста. Умираю я... – тихо произнёс он. – Кака така болезнь, никто из местных лекарей сказать не могёт. За один год Мотька все силы мои высосала... А могёт сама чё изладила, не знаю... Тока топерича силов моих не остаётся, потому и послал за тобой! Надоть дело передать тебе...

– Так что же случилось здесь? Ты можешь рассказать?

– Ведьма она! Натуральная ведьма! – неожиданно вспыхнул отец и взял сына за руку. – Щаз ты уже мужик, смогёшь меня понять... Она как разденетси, прижмёт к грудям, поцелуеть... Веришь, усё в нутрях переворачиваетси и гореть зачинаеть! И я, как безумный, бросаюся на её... И так усю ночь. А поспать некогда. А потом и силов не стало, даже спать начал на работе! Приказчики, жулики, тут как тут: здесь своруют, тама своруют, а я и не вижу. Что ни ночь – выкладываюся на ентуй ведьме! И силишша – то у неё кака: ведь отказать не могу!

Он вздохнул, налил полстакана самогонки и опрокинул в рот, даже не заметив горечи.

– Кончилось усё тем... Начал я падать в омморок прямо на ней! Стал сохнуть, сил нету... – он даже отвернулся, чтобы смахнуть набежавшие слёзы. – Вот и переключилса она

на Ерошку... А потом и вовсе убёгла с им... Я даже сперва обрадовался. Думал: «Ну, вот, топереча заживу спокойно!». Да не тут-то было! Чё-то тако она, ведьма, со мной изладила: не могу жить без неё, проклятушней! Я уж и баб разных менял, к знахарям ходил... Те в голос: «Порча на тебе сильная». И ничо изладить не могут. А одна бабка так прямо и сказала: «Ведьма окаянная на тебе и на корень твой порчу навела. Умрёшь ты скоро!» Потому и написал вам письмо. Я уж смирился со смертушкой – то, а ведьма та усё душу жгёт, никак не отпускает!

– Так не бывает! – возразил Михаил.

– И я так думал... Да вот, вишь сам какой стал: похудел, полысел, поседел как лунь... Как глубокай старик... А я и сам чую, жизнь вот-вот кончиси! – он вздохнул, посмотрел на сына и теперь уже двумя руками обхватил руку Михаила. – Жаль дело... С годик я ишшо, могёт, потерплю, а там... Боюсь я за тебя. Как бы ведьма ента на тебе глаз не положила! Давай-ка я тебя отправлю подальше?! А там и торговому делу подучишься. Я уж с местными купцами договорилси: оне на кордон с Китаем едут торговать. Денег и товаров дам в достатке, а купцы подучат торговому делу. Хоть подальше от ентои ведьмы бушь! А после смерти моей продолжишь моё дело...

– Да ты чего, отец? Я не могу... Мне домой надо! – одна мысль, что он не увидит Нину, хуже ножа резанула по сердцу.

– Сынок, это моя предсмертная просьба! Уважь старика...

Внутри Михаила боролись две силы: с одной стороны любовь, а с другой долг и обязанность. Однако поразмыслив, что создавать семью без необходимого достатка ему никто не позволит, он вздохнул и смирился. – И сколько у меня времени осталось?

– Уже мало, сынок... Могеть три-четыре года... Купцы завтре учнут формировать караван через Чуйский тракт в Маньчжурию. Вот там ты и останесси. Бушь учить ихний язык, купцы обещали помочь тебе в ентом...

Уснули они только под утро.

Неожиданно дело захватило Михаила, не давая времени расслабиться. Кроме того, не имевшееся ранее желание увидеть неведомые страны вдруг захватило его. Поставив себе целью разбогатеть на торговле и, вернувшись, жениться на Нине, он начал готовиться к отъезду.

– Да-а, вот как оно бывает! Не одному мне плохо... – глаза открываются сами собой, а я с некоторым облегчением бормочу и снова продолжаю чтение дневника.

4.

«Маньчжурия, Кобдо, август 1872 года.

Кобдо совсем непохож на наши города. Не дома, а какие-то мазанки везде. Побольше – в центре, поменьше с юртами – на окраине. Здесь много русских – это торговцы и казаки. Маньчжуры – люди бедные, китайцы – богатые. Русских здесь любят: они не нарушают порядок, а казаки даже охраняют его. Меня чуть не обокрал воришка, да монах помог вернуть кошелёк. Монах говорит по-нашему и хочет стать моим слугой. Зовут его Ли Чен. Я решил здесь остаться: всё-таки русских здесь много, а в Китае я буду один. Караванщик помог устроиться на месте. Даже с братом познакомил. Он здесь всех знает. Лавку предложил. Место мне понравилось. Но тоскую по маме, отцу и Нине. Буду учиться китайскому у Ли Чена – он грамотный монах».

Смотрю на огонь под гипнозом Пашки и не замечаю, что глаза сами собой закрылись, перенося меня в прошлое...

– Чёрт знает что это за город! – возмутился Михаил на Кобдо. – Невозможно понять, город это или нет? И кто здесь живёт?!

Собственно, его возмущало в Кобдо то, что в этом населённом пункте уж очень много было несправедливости: толпами и поодиночке ходили бедные оборванные и грязные мань-

чжуры, пытающиеся хоть что-нибудь своровать или готовые выполнять любую работу, лишь бы платили. В то же время разряженные китайцы, окруженные толпой слуг, то здесь, то там передвигались в роскошных расписных паланкинах. Как потом он узнал, это были либо торговцы, либо чиновники со своими женами и наложницами.

Все надписи были написаны на китайском языке и обязательно заляпаны грязью, при этом всё население говорит почему-то на маньчжурском языке, злобно поглядывая на богатеньких китайцев. Трудно сказать, что бы произошло, если бы не многочисленная охрана китайцев. Как видно местный народ не очень-то любил своих хозяев, ведь Маньчжурия – это колония Китая.

Неожиданно, здесь, в Кобдо Михаил вдруг почувствовал уважение к своей стране и, то, как он любит свою Россию. Этому обстоятельству способствовало и то, что и китайцы и маньчжуры коверкали свои слова, но при этом достаточно сносно говорили на русском языке. Он так обрадовался, что не придётся учить этот замурднённый китайский язык, что, не скрывая своей радости, в ответ кланялся каждому китайцу. Кроме того, то и дело встречались казаки. Даже караван Михаила сопровождала казачья застава, защищая его от великого множества разбойников, обитавших вдоль Чуйского тракта по дороге в Кобдо. Их караванщик по секрету сообщил, мол, это русский государь так распорядился охранять людей торговых.

Как потом оказалось, в Кобдо, вообще, жило и торговало много русских, поэтому местные жители так хорошо и знали наш язык.

Михаил, зная строгие обычаи караванов, подошёл к караванщику, чтобы попросить разрешения осмотреть город. К этому времени он уже прошёл проверку документов казачьим разъездом и мог быть уверенным, что в городе его никто не задержит.

– Бывал ли ты в Кобдо раньше? – спросил караванщик.

– Нет, не бывал. – ответил честно Михаил. – Но хотел бы посмотреть его, и какую торговлю лучше всего здесь наладить!

– Хорошо, иди... Но только не ходи в северную часть к горам. Там в лесах частенько разбойники бывают! За товаром твоим я посмотрю, а завтра начнём разгружаться... Как солнце на четыре пальца будет выше гор, обязательно возвращайся...

Михаил шёл и прикидывал в уме, чем бы можно было торговать здесь. К его радости, на улицах было много русских торговцев, у которых можно было посоветоваться, как выйти из маленьких домиков на ту или иную улицу. Большинство из них торговали выделанными мехами, шкурками, тулупами и шапками. Этот товар и он сам привёз. И, несмотря на то, что маньчжуры – народ бедный, а богатых китайцев здесь всё-таки было немного, торговля шла. Как учил его отец перед отъездом, он помечал всё, что казалось ему интересным, чтобы потом рассказать отцу, и шёл дальше. К концу дня он так устал и проголодался, что главной достопримечательностью для него стала простая харчевня, где можно было бы подкрепиться.

Небольшая юрта, неожиданно возникшая перед ним, сразу же привлекла его внимание по двум причинам: во-первых, рядом с ним расположилась лавка русских торговцев, из которой вкусно пахло, а во-вторых, рядом лежали собаки, которых Михаил любил.

У юрты сидел неподвижно с закрытыми глазами, скрестив ноги и положив руки на колени, опрятно одетый монах.

– Наверное, у них так положено. – подумал Михаил, и обратил внимание на его одежду, которая заметно отличалась от одежды как маньчжуров, так и китайцев. – Интересно, кто он? Откуда?

Обращало внимание и то, что и те и другие с уважением кланялись ему и, не дожидаясь ответа, шли дальше. Ему никто не кричал: «Чего ты тут расселся? А ну пошёл вон!», как это сделали бы любому попрошайке в России, и никто не кидал ему монеток, как попрошайке.

Пока Михаил рассматривал монаха, один из маньчжурских карманников ловко выхватил его кошелёк и бросился наутёк. Не успел он крикнуть: «Хватай вора!», как монах вдруг ожил,

невероятно быстро вскочил и так же быстро сделал несколько больших шагов и прыгнул: нога его в воздухе ударила вора по руке. Кошелёк выпал, а вор, сжавшись от страха, попятился и убежал. Отдав кошелёк Михаилу, монах без слов сел туда же, где только что сидел.

Михаил подошел к монаху и поклонился. Монах, как и прежде, сидел неподвижно, однако глаза его внимательно смотрели на Михаила.

– Спасибо... – не зная, что ещё сказать, произнёс он.

– Уанба¹⁶... Джу шуэй¹⁷... – невозмутимо произнёс монах каким-то гортанным голосом, совсем не похожим на маньчжурский и китайский язык, и не шевеля губами при этом.

Михаил даже посмотрел по сторонам: уж не произнёс ли эти непонятные слова кто-то другой?

Чтобы хоть как-то оправдаться и завязать разговор, спросил первое, что пришло в голову. – Вы здесь молитесь? Как вы ловко того воришку...

– Ли юнху джу¹⁸... – так же, не шевеля губами, гортанным голосом произнёс монах, смотря сквозь смотрящего на него Михаила.

– Я вас не понимаю... – огорчённо произнёс тот.

Тут произошло то, что сильно удивило Михаила: монах посмотрел ему в глаза и произнёс, по-русски шевеля губами. – Ли... защищать... хозяин...

Михаил снова посмотрел – вокруг никого не было.

– Да где же вы увидели хозяина? – всё это было очень странно и непонятно.

– Ли юнху джу! – снова произнёс монах и показал рукой на него. Его карие глаза явно улыбались, но рот как был невозмутим, так и остался.

Только тут до Михаила дошло, что монах хочет стать его слугой.

– Ми-хаил! – ударив себя рукой в грудь, произнёс он громко.

– Мих-хо... – монах показал на него рукой и ударил себя в грудь. – Ли! Мих-хо – хозяин, Ли – слуга!

– Может, не надо? Зачем мне слуга? Я итак мало чего знаю... Да и содержать слугу сейчас шибко накладно... – неуверенно произнёс он, поглядывая на монаха.

– Мих-хо – хозяин, Ли – слуга! – настойчиво произнёс монах, рукой показывая то на Михаила, то на себя.

– Ладно, ладно... – он махнул рукой: от такой настойчивости всякое сомнение исчезло. – А, может, и хорошо? В пути, да и дома буду не один...

Слова Михаила произвели нужное впечатление на монаха: он встал, поклонился и неслышно пошёл за Михаилом в лавку, из которой шёл нестерпимый запах жареного мяса.

Несмотря на приглашение к столу, монах отказался есть, и даже отвернулся, но от стола не отошёл, дожидаясь, пока тот не насытится. Затем молодой купец расплатился и вышел, направляясь, домой.

– Зачем мне ехать дальше? – подумал он: разговор с Ли на непонятном языке оставил у него неизгладимое впечатление. – Здесь хоть русские есть... В обиду не дадут ежели что!

Он так и сказал караван – баши, что хотел бы остаться здесь. Вопреки ожиданию резкой и негативной реакции на такое предложение, караванщик сначала кивнул головой, а потом о чём-то задумался.

– Знаешь, паря, тебе и вправду лучше остаться здесь! – посмотрев на смиренно стоящего рядом монаха, караванщик повернулся и пошёл отдавать команду на выгрузку товаров Михаила. А тот обрадованно улыбнулся Ли, который теперь всегда находился рядом.

¹⁶ Уанба – вор.

¹⁷ Джу шуэй – хозяин спит.

¹⁸ Ли юнху джу – Ли защищает хозяина.

5.

Через пару часов караванщик вернулся не один: рядом стоял бородатый мужик средних лет.

– Слушай, паря, братан тут мне сказал... Ты решил остаться здесь? – произнёс бородач и внимательно посмотрел на монаха, неподалёку стоящего от Михаила. – Своим нужно помогать завсегда. Тут у меня неподалёку лавка пустая есть. Так ты, паря, давай занимай! А кто спросит, скажешь, Дормидонт Прозоров разрешил...

Караванщик хлопнул бородача по плечу и пожал руку брату, который тут же повернулся и пошёл по своим делам.

– Так-так... Знать, понравился ты брательнику... Ну, Михаил Флегонтов Дубовцев, чего стоишь? Иди, занимай место: такие предложения на дороге не валяются! – засмеялся караванщик. – Да скажи отцу спасибо: он ещё загодя наказал устроить тебя, там, где решишь остановиться. А с брательником дружи – он здесья первеющий купец!

Молодой купец инстинктивно пожал руку караванщику и пошёл в указанно место. Место Михаилу понравилось, и он перевёз туда все свои товары. Неожиданная забота отца о нём здесь, на чужбине воспринималась совсем не так, как дома. В душе его уже давно не осталось ненависти к отцу, а теперь вместе с теплотой и благодарностью поселилась тоска по дому, матери и отцу. Даже невольная слеза прокатилась по щеке. Начиналась новая жизнь, в которой он уже был совсем один...

– Ну, скажи, какого чёрта ты ко мне пристал? – в приступе злости к тому, кто разлучил его с любимой, и тоске по дому, обратился он к Ли.

– Так нада... – монах поклонился, вовсе не обираясь куда-то уходить.

К немногословному монаху, как это ни странно, Михаил начал привыкать: теперь он был здесь не один, и появилась возможность поговорить с кем-то, когда на душе у него кошки скребли.

– Ли, ну, скажи, ты хоть меня понимаешь? – он вздохнул. Но даже от такого короткого разговора ему стало легче. Почему-то в голове возник вопрос. – А какая у него фамилия?

И уже заинтересованно спросил. – Вот у меня есть фамилия – Михаил Флегонтов Дубовцев, а у тебя?

– Ли Чен¹⁹ – невозмутимо произнёс монах.

Молодой купец даже рот открыл от удивления. – Так ты меня понимаешь?

Монах кивнул.

– Ты даже не представляешь, как легко на душе у меня стало! – искренно обрадовался он. – Как подумаю о вашей китайской грамоте – мороз по коже! Ты хоть говорить по-нашему умеешь?

– Мала-мала... говорить...

– Ну, это уже хорошо! – как это ни странно, но чувство одиночества невольно толкало его к этому нелюдимому монаху. – Ли, ты научишь меня вашей грамоте?

Только по глазам, которые радостно блеснули в вечернем свете, Михаил и понял, что сегодня он нашёл не только слугу, но и друга. Чувство большой благодарности к монаху вдруг охватило его и молодой купец, сложив обе руки ладонями друг к другу на груди, как это делают все китайцы и маньчжуры, поклонился монаху. Ли поклонился ему в ответ и удалился.

Ощущение чего-то нового, дающего надежду, вдруг охватило Михаила и понесло туда, где жила его любовь. Он лёг на тахту и, закрыв глаза, вспомнил лицо любимой. – Вот так, Нина, началась моя новая жизнь... Вот накоплю денег и приеду за тобой! ...

¹⁹ Чен – Образцовая опора.

– Да-а, не зря говорят «китайская грамота», когда непонятно, что написано... – облегченно произношу, открывая глаза. – Читать дневник становится всё интереснее и интереснее.

6.

«г. Полевской, май 1875 года.

Вот я и дома! На следующий день вечером после приезда в Полевской мы, я, мама и Ли Чен отправились к Нине домой. Я был удивлён, увидев её сильно похорошевшей и изменившейся. Так мы и проговорили всё время посещения. Мне даже показалось, что она в меня влюблена. Да и во мне прежние дремавшие чувства вспыхнули с новой силой. Кроме того, после посещения мама сказала, что Нина ей очень понравилась, а Ли Чен посоветовал мне проверить её чувства и притвориться на время холодным, так как он нашёл её слишком строптивой для семейной жизни. Я долго думал ночью и решил последовать совету друга. На следующий день мы с Ли Ченом разработали план, по которому я и начал действовать. Как и ожидали, она тут же показала свою строптивость, но я настойчиво проводил всё, что надумал, и под конец она сдалась. Даже сама сказала, что меня любит, не хочет, чтобы я уходил, и попросила прощения за своё поведение. Мы с Ли Ченом посчитали, что этого было достаточно: можно праздновать помолвку. Свадьбу назначили на дату, указанную Ли Ченом, как наиболее благоприятную»

Прочитав запись, уже не обращаю внимания на то, что Пашка перестала что-то делать и говорить для усиления гипноза. Я смотрю на огонь, чтобы снова переместиться во времени...

Не прошло и трёх лет, как дела отпустили меня домой, в городок Полевской, к Нине, чтобы жениться и побыть недолго в семье.

– Мишенька, сыночек, мы сегодня едем к Муралиным? – Гликерия Сергеевна торопилась: очень хотелось ей увидеть Нину, о которой неоднократно писал сын в письмах.

Михаил вчера приехал из Новониколаевска, где, приведя в порядок дела отца и похоронив его, не на много задержался. Её удивлению не было предела, когда он появился в сопровождении китайца, смиренно сопровождавшего везде сына. Китаец был одет так же как его слуги, но отличался от них разительно тем, что сопровождал Михаила везде. Когда она узнала, что его главная задача охранять сына, приятно обрадовалась, а когда узнала о его подвигах, даже зауважала.

Уважительно – доброе отношение к себе со стороны матери Михаила Ли Чен расценил по-своему, взяв и её под свой контроль и защиту, особенно после того, как она подошла к нему и просто попросила. – Будь моему сыну другом! Я на тебя очень надеюсь!

Муралины Дубовцевых не ждали, однако встретили очень тепло: Михаил писал письма Нине, и она о нём много разговаривала с матерью. Николай Сергеевич и Варвара Спиридоновна тут же накрыли стол и пригласили отведать их кушаний. Особый интерес вызвал Ли Чен, который застыл, как изваяние у дверей и одни глаза его говорили, что это живой человек.

– Это Мишин ангел – хранитель и друг! – представила Гликерия Сергеевна Ли Чена. – Если бы не он, я бы наверняка никогда не увидела моего дорогого сыночка живым! Его зовут Ли Чен... А где же ваша Ниночка?

– Она стесняется... – тихо шепнула хозяйка на ухо гостье и хитровато улыбнулась, поглядывая на Михаила, который нервно мялся у стола с цветами.

– Надолго ли в наши края? – Николай Сергеевич, полный седоволосый мужчина средних лет, находящийся на гражданской службе, подошёл к Михаилу, чтобы как-то скрасить его время ожидания. – Я слышал, у Вас в Сибири своё дело? Может, расскажете?

– Да я по делу купеческому... – Михаил неотрывно следил за дверью, куда была послана прислужница за Ниной. – От отца досталось по наследству. Покупаю у остяков осенние шкуры

лосей, изюбрей, ушканов, куниц, лис и волков... Часто они привозят рыбу разную... Её тоже покупаю, а им даю порох, патроны... Потом продаю в других местах...

Каково было его удивление, когда вместо весёлой толстушки вышла симпатичная девушка, приветливая и добродушная. Голубые глаза её светились искренней радостью, которую она старательно скрывала. Русые волосы локонами спадали на лицо, которое он часто вспоминал на чужбине. Белое платье с кружевным воротником приятно выделяло её пропорциональную фигуру.

– Это вы? – у глаз веером раскинулись морщинки радости, когда он отдавал ей цветы. – Не могу поверить... Ниночка, вы так похорошели!

Краской небольшого стыда вспыхнуло лицо девушки от заслуженно одержанной победы, что её, наконец, оценил тот, кого она ждала всё это время безнадежно и самоотверженно.

Родители, переглянувшись, заулыбались и успокоились. По знаку хозяин все были приглашены снова к столу. Между ними тут же завязался непринуждённый разговор.

Невольно Михаил повернулся к Ли Чену и посмотрел ему в глаза, как бы спрашивая его мнение о девушке. Заметив его кивок, улыбнулся и повёл Нину к столу. Ли Чен, как стоял на месте, так и остался.

Молодые вели какой-то пустяшный разговор, но между тем невольно отмечали всё возрастающее сходство характеров, положительных черт и качеств. Возможно, потому что были уже влюблены...

Родители были заняты какими-то разговорами и на них не обращали никакого внимания. Только наблюдательный Ли Чен не утратил способность читать по глазам и лицу, жестам и мимике при разговоре молодых.

– Я искал тебя всюду: в Сибири, на Алтае, в Маньчжурии, а ты оказалась на Урале, совсем рядом! А я и не знал... – говорили его глаза.

– А я ждала тебя всё это время: пока росла, после нашей первой встречи, пока ты ездил... – отвечали ему её глаза. – Просто ты не там искал меня...

– Сам вижу, но ведь нашел же!

– Это хорошо, что нашёл! Ещё бы немного, и я уже надеяться перестала... А я стала... хуже? Ну, с той... первой нашей встречи?

– Да ты что? Наоборот, ты стала сейчас просто красавица...

И они разом оба громко засмеялись, привлекая к себе всеобщее внимание на минуту: потом родители, найдя общую тему, снова перестали обращать на них внимание.

Они расставались, с трудом разорвав руки, которые всё это время оказались неразлучными.

Сбивчиво рассказав про свои чувства Ли Чену, неожиданно он услышал от него совет немного проверить её чувства, прежде чем жениться. – Мих-хо нада пловелять девууска стлоптивый... Плитволитися холодным...

Вечером он никак не мог уснуть, вспоминая всё то, что произошло у Муралиных, и пришёл к выводу: надо последовать совету друга. Уснул он только под утро.

С утра за ним пришел Алексей и добрую половину он дня отчитывался перед ним по хозяйству. Михаилу же все это совсем не нужно было: он уже всецело был с той, в которую влюбился... Про Мотьку Алексею он не отважился рассказывать, искренне любя и уважая своего дядю...

Ещё с утра он отправил своего человека тайно и аккуратно собрать сведения про Нину. Тот вернулся только к вечеру и сообщил ему, что Нина ни с кем тайно не встречается и её за глаза уже давно окрестили «старой девой» из-за того, что она отказала нескольким молодым людям, предлагавшим ей руку и сердце. Близкие подруги рассказали, будто ждёт она кого-то, уехавшего не то в Китай, не то в Маньчжурию... Хорошо заплатив своему человеку, Михаил поблагодарил и отпустил его.

Скоро, довольный полученной информацией, опять с Ли Ченом и маменькой был у Муралиных. Однако, решив посмотреть, какая будет у неё реакция на полное пренебрежение ею, букет цветов не стал покупать. Так хотелось ему узнать, любит она его или нет, прежде чем предпринять ответственный шаг.

Нина, столкнувшись с довольно холодным поведением молодого человека, была просто озадачена. – Как же так? Недавно он явно был влюблен, а сегодня – будто и не знает меня?

Она то фыркала, показывая всем, что способна обойтись без всех, то сама рассказывала невероятные и смешные истории, немало удивляя своих родителей удалью и бесшабашностью...

Но Михаил, выполняя совет мудрого друга, продолжал сохранять к ней деланное равнодушие. Таким он и расстался с Ниной. Вечером мать по секрету сказала ему, что родители Нины находят брак между ними неплохим со всех сторон. Единственная трудность – строптивость самой Ниночки.

– Как всегда, Ли Чен оказался прав... – подумал Михаил, найдя абсолютно правильным своё поведение в этот вечер.

Как рассказали потом родители Нины, ей этот вечер нанёс серьёзнейший удар: она сначала ругалась, ворчала, даже кричала на воображаемого Михаила за то, что он не оценил её чувств, а потом проплакала всю ночь...

Утром Михаил со своей матерью и Ли Ченом уже стоял перед дверями Муралиных: теперь ему предстояло выполнить вторую часть плана, который разработали они.

Услышав, что в передней стоит Михаил с матерью, Нина вышла к нему с сердитой физиономией: брови опустились к переносице, а руки упёрлись в бока. Она считала, что не будет с ним разговаривать, пока тот не попросит прощения за прошлый вечер. Поэтому появление Михаила с цветами вполне входило в процедуру прощения.

Отец с матерью с ужасом смотрели на её поведение.

– Неужели наша и ему откажет? – тихо шепнул отец Нины и молча обнял жену: капли горьких слёз уже текли по её щекам.

– Извинись! Иначе я и разговаривать с тобой не буду! – без всяких обиняков произнесла она и отвернулась.

– Да пошла ты в баню! – громко и твёрдо произнёс Михаил и, повернувшись, шагнул к двери, выбросив цветы через плечо. – Мне не за что просить прощения...

– Постой... Прошу тебя... – это был голос мольбы, голос любви, голос страдания и покорности: она уже горько сожалела о том, что поддалась гордыне и чуть не погубила свою любовь своими собственными руками. – Не уходи... Я давно люблю... только тебя...

Михаил посмотрел благодарно на Ли Чена: тот кивнул ему незаметно.

– Это так ты сейчас говоришь... А потом? Если я захочу взять тебя в жены? Тебе вдруг что-то не понравится, и ты тут же побежишь к маме с папой?!

– Нет... Никогда... Прости меня... Я очень хочу, чтобы ты был моим мужем! – и тихо добавила. – Ты победил...

И Нина бросилась собирать выброшенные Михаилом цветы.

Родители, неожиданно поняв то, что сейчас здесь произошло, улыбались и обнимались. Ли Чен хитро прищурившись, кивнул другу.

Когда же Нина вернула букет цветов Михаилу, тот подарил ей букет, взял её за руку и повёл к отцу с матерью.

– Николай Сергеевич и Варвара Спиридоновна, я прошу руки вашей дочери!

Те немедленно согласились, уже совсем отчаявшись на счастливый конец. За столом было весело и хорошо всем: помолвка состоялась!

В конце вечера отец Нины, наконец, поняв, кто так хитроумно руководил всей этой победоносной войной, налил вина в бокал и подошёл Ли Чену. – Спасибо, тебе, друг!

И крепко по-русски пожал ему руку. Как и следовало ожидать, Ли Чен от вина отказался, поклонившись ему за оказанный почёт. Однако не избежал поцелуя в щёку от матери Михаила...

Вечером, погадав на своих палочках, Ли Чен назвал наиболее благоприятную дату бракосочетания.

Глаза мои открылись сами собой. Я даже не заметил, что улыбаюсь, но последнее событие поставило меня в тупик.

– Во древность... Они чего там с ума посходили? Вычислять день наиболее благоприятный для бракосочетания? Да, кто же у нас будет это делать? Вся эта чертовщина у нас в полном запрете! У нас два дня для этого есть – суббота и воскресенье, какие уж тут расчёты! – с усмешкой подумал я о том, что от дня бракосочетания может зависеть будущее семьи. Неожиданно мне в голову пришла странная мысль. – А если бы я с Вероникой выбрал другой день бракосочетания, что-то бы изменилось?

И, подумав, засомневался. – Едва ли...

Но какой-то камушек всё-таки в моей головушке застрял. – А я вот дальше, если удастся, посмотрю, какая жизнь будет у моего предка!

Глава 3. Михаил и Матрёна

1

«г. Полевской, январь 1876 года.

У меня 28 июля (в один день со мной!) родился сын. Назвали его Алёшкой. Мы оба с Ниной довольны и счастливы! Плохо одно, мне придётся ехать в Кобдо торговать, хоть очень не хочется. Так плохи наши дела. Но оставить ни с чем жену и сына теперь не могу: ехать всё же придётся!»

Смотрю на огонь и представляю, как это всё происходит...

Михаил в сопровождении Ли Чена торопился из Новониколаевска в Полевской, где его жена должна была вот-вот родить. Жизнь в двух городах (он – в Новониколаевске, она – в Полевском) потребовала частых поездок к жене и, как следствие, дела пошли плохо: недогляд, воровство, да и спрос на его товар поубавился. По просьбе Нины погостить у родителей, он её на время оставил там, а сам периодически навещал. Когда же Нина сообщила о своей беременности, решил оставить её там до рождения ребёнка.

Он ввалился в дом, когда часы с кукушкой отметили пять утра часов. Всё Дубовцевы и Муралины ещё с вечера находились на ногах из-за начавшихся схваток. Но вместе с акушеркой трудилась в поте лица лишь Варвара Спиридоновна. Поэтому приезд Михаила был для всех приятной неожиданностью.

– Мишенька, сынок, хорошо, что ты приехал... Она рожает! И страдает... – волнуясь, мать бросилась к сыну, целуя его в обе щёки.

– А мне можно к ней? – он на цыпочках пошёл было к двери, но, увидев, как взметнулись в верх обе руки матери, остановился.

– Ты что? Вдруг занесёшь какую-то заразу?!

Вздохнув, он снял дорожную одежду, и подсел к печке.

Скоро из соседней комнаты раздался пронзительный и долгий женский крик, а следом подал голос ребёнок. А ещё спустя некоторое время вышла и Варвара Спиридоновна.

– Мужик! – с подъёмом устало произнесла она, победно оглядевшись. Увидев вставшего Михаила, улыбнулась ему. – Мишенька, поздравляю... У тебя – сын!

Повернулась и вскоре вышла с ребёнком на руках. Дрожащими от нежности руками, Михаил принял ребёнка, который тут же закричал.

– Да ты не плачь... Это же я, отец твой! – нежно и ласково с трудом он произнёс новое для него и очень важное слово.

И ребенок, словно услышав его, вдруг перестал плакать, вызвав бурный восторг окружающих и тихий – счастливого отца.

– Батьку признал! – Варвара Спиридоновна осторожно взяла внука, и ещё раз подняв его всем на обозрение, удалилась в комнату матери.

Когда вышла акушерка, новоявленный и счастливый папаша бросился к ней. – Можно?

И столько просьбы было в его глазах, что акушерка не устояла, усмехнулась и махнула рукой. – Да иди ужо... Чё с вами изделаешь...

В комнате на кровати лежала счастливая и уставшая Нина, скорее почувствовавшая, чем увидевшая зашедшего мужа. Варвара Спиридоновна убирала повсюду разбросанные тряпки и бросала их в тазик.

– Мишенька, у нас теперь есть сынок! – молодая мать, счастливая оттого, что всё самое тяжёлое теперь уже позади, получив за это в награду крепкого малыша, уверенно сосущего при отце её грудь, улыбалась мужу. – Как хорошо... Ты приехал! Мама мне сказала...

– Отдыхай, родная... Спасибо тебе за сына! Давай, назовём его Алёшкой... – поцеловав её в губы, счастливый отец вышел из комнаты.

Нина кивнула и закрыла глаза.

В послеродовой сутолоке родственников Михаила был ещё один человек, который всё видел и замечал. Даже записал дату и время рождения: 28 июля 1876 года, 5 часов утра. Пожалуй, он был больше всех доволен: раз род Дубовцевых продолжается, значит, дело, которому он служит, укрепляется! И грустен: если род Дубовцевых увеличился, значит и род врагов стал больше. А, значит, вся борьба ещё впереди! А он теперь в ответе уже за двух Дубовцевых...

Михаил и Алексей прошли в кабинет и долго совещались. По лицу вышедшего из кабинета Михаила Ли Чен сразу же понял, что надвигаются тяжелые дни.

Вечером Михаил вошел в комнату жены и сел на кровать.

– Родная, я тебе должен сказать... Видно мне придётся поехать ненадолго поторговать в Кобдо... Так плохи наши дела и в Новониколаевске и здесь! – он обнял её и поцеловал, увидев слёзы на глазах жены.

– И когда? – она знала характер мужа: если решил – так и поступит! – Ой, страшно, мне, что-то, Мишенька... Очень страшно! А Ли Чен с тобой поедет?

– Конечно! Как же я без него... – он гладил волосы жены, успокаивая её.

– Ты, уж, поберегись! А за нас не беспокойся... Мы с Алёшкой тут будем папку дожидаться!

Через два дня Алексей и Ли Чен уехали в Новониколаевск.

От какой-то внутренней тревоги мои глаза сами собой открылись. В голове роились непонятные мысли...

– Странно, у меня ведь тоже день рождения – 28 июля! Оказывается, дата моего рождения совпадает с датой рождения моего прадеда, Алексея Михайловича! Вот это новость! – подбрасываю дров в костёр: вот теперь мне уже по-настоящему становится интересно. Ведь я всю жизнь хотел узнать про своих дальних родственников, однако и мать и все остальные как-то сразу же меняли эту тему и уходили от ответа. – Ну-ну, посмотрим, что же дальше было!

2.

«Маньчжурия, Кобдо, март 1878 года.

Прошло два года, как я здесь, а дела всё никак не разрешают вернуться. Я занимаюсь с Ли Ченом ихней гимнастикой, чувствую, как стал крепче и здоровей. Сегодня Ли Чен гадал на палочках и сказал, что придёт известие, а ещё дал мне талисман для охраны. Пришло письмо от моего приказчика из Новониколаевска. Он написал, что я разорен. Ли Чен говорит, что надо ехать в Россию, и предупреждает об опасности от какой-то разбойницы. Говорит, что я её знаю. Она может помешать мне. Никто не помешает мне: я так хочу домой, к сыну и Нине!»

Что-то грустно и тревожно застучало сердце. Понимая, что это неспроста, смотрю на огонь, чтобы он перенес меня в то тревожное время. Как-то незаметно глаза закрылись, и я оказался в Кобдо...

Михаил стоял у окна и смотрел на хмуро утро, не предвещающее ничего хорошего. За эти два года, которые тянулись изо дня в день, он так и не смог привыкнуть к этой нехитрой природе, голым горам, раскинувшимся вокруг города и постоянному отсутствию воды, невольно сравнивая всё это с великолепием Уральской и Сибирской природы. Только сейчас он по-настоящему понял, какую ценность представляет природа его Родины! Временами на него нападала такая хандра, что молодой торговец запил бы, да жестокий Ли Чен не давал: он отбирал бутылки с местным самогоном. В эти дни монах превращался в заботливую няньку и массажировал определённые точки на теле Михаила, отчего тот быстро приходил в норму.

Молодой купец возмужал, стал стройней, гибче и жёстче. Постепенно Ли Чен приобщил его к занятиям китайской гимнастикой, которую Михаил упорно постигал, как и китайскую грамоту вместе с философией. Успехи его были невелики, однако продвижение было заметно.

Вот и сейчас он смотрел на то, как молится Ли Чен перед маленькой статуэткой Будды, окруженной маленькими свечами. В голове же ходили мрачные мысли...

– Это Кобдо мне так опостылело со своей вечной пылью, что хоть на улицу не выходи! А у нас сейчас снег тает, скоро всё зацветёт... Сколько ещё мне томиться здесь, на чужбине? – думал он, невольно опять сравнивая природу. – Совсем озверели эти приказчики! Из-за них пришлось приехать к чёрту на кулички! И не докладывают, как там дела... Хоть бы письмо какое прислали! Я им уже несколько отправил, а они ни одного... И бабы эти узкоглазые до чёртиков надоели, смотреть на них не хочу! Не то, что наши... Только когда теперь удастся к ним вернуться... К Нине... Денег, наторгованных мной как раз хватило бы для жизни в Новониколаевске...

– Джу Мих-хо юнху шеен дьянтунь!²⁰ – произнёс Ли Чен и тут же перевёл, как смог. – Хозяин Мих-хо защитит божественный дельфин...

Михаил вздрогнул от горлового голоса Ли Чена, к которому он никак не мог привыкнуть. Он уже полностью очнулся от своих горьких дум и внимательно посмотрел на монаха: обычно, когда тот так говорил, это что-то означало. Молодой торговец всегда удивлялся тому, как монах видел будущее.

– Пи –ды – тай лай!²¹ – монах с надеждой посмотрел на Михаила.

– Ничего не понял... Давай, переводи! – с надеждой он подошёл к монаху: что-то внутри него говорило – это неспроста!

– Не всё плохо, выйти холосо... – Ли Чен встал, подошел поближе к Михаилу и протянул ему на вытянутых руках золотую цепочку с дельфином, выпрыгивающим из воды. Лицо его, как всегда было непроницаемо, но Михаил уже научился понимать его эмоции по глазам: сейчас глаза монаха были безмерно счастливы! Видя это, он взял цепочку и надел её на шею.

– Хозяин Мих-хо защитит божественный дельфин... Талисман... Сколо плохой влемя плоходить!

Что-то такое вдруг нахлынуло на Михаила: во-первых, он не ожидал такого подарка, а во-вторых, новость сама по себе была подарком! Его глаза затуманились от непрошенных слёз... Сам не понимая, почему это делает, он сложил руки лодочкой и поклонился Ли Чену. Говорить в это время он просто не мог...

Через некоторое время в комнату постучали. И следом в щели между дверью и полом появилась сложенная втрое заклеенная бумага. Это было письмо из Новониколаевска. Протянув её Михаилу, Ли Чен снова отошёл к двери.

– «Мишка, чортов сын, хват купороситсьи!²² Старший приказчик твой преставилси вчерась. Царство яму небесное! Куплять²³ нечем – купило²⁴ кончилось. Давай возвертайси и купило своё вези. Младший приказчик Тишка»

Всё вдруг смешалось в молодой голове Михаила: с одной стороны ему хотелось прыгать от радости, что, наконец-то, ссылка закончилась, а с другой, плакать, ведь его дела в Новониколаевске оказались так плохи... Хоть и загнал он себя в эту чёртову Маньчжурию, терпеть которую уже не было никаких сил...

Сделав несколько шагов к Ли Чену, обнял его и разрыдался как ребёнок.

²⁰ Джу Мих-хо юнху шеен дьянтунь – Хозяина Михаила защитит божественный талисман.

²¹ Пи –ды – тай лай – «Не всё ненастье, проглянет и красное солнышко» (китайская пословица).

²² Купороситсья – упрямиться (Сибирь, с 1848 г.).

²³ Куплять – покупать (Сибирь, с 1848 г.).

²⁴ Купило – деньги (Сибирь, с 1848 г.).

– Мих-хо чын лисыгу²⁵ – произнесли губы слуги – друга, он сам успокаивающе водил тихонько по спине молодого торговца. – Мих-хо нада... путь... Лоссия!

Только успокоившись, Михаил вдруг понял то, что сегодня монах уже предупреждал его, даже талисман приготовил.

– Ты откуда взял, что надо ехать домой? – удивлению его не было предела, ведь письмо он читал про себя. Руки его уперлись в бока, а брови сошлись к переносице. – Говори!

Ли Чен молча показал на мешочек с палочками тысячелистника, который носил при себе постоянно и использовал при гадании.

– Так, значит, ты гадал утром... И что же получилось? Почему ты мне дал талисман?

– Лидзи ху дзо дасы Мих-хо²⁶... Мих-хо джын дан бау²⁷...

– Обожди, не тарахти... Давай медленно!

– Плипадочная лазбойница... убить Мих-хо... Мих-хо знать... необузданная падса я зен-сина...

Невольно вспомнилась Мотька.

– Чтоб ты сдохла, лахудра²⁸! – зло прошипел он и вспомнил про предупреждение.

– Так, обожди... Ты сказал, что надо ехать в Россию? Так? – произнёс Михаил внимательно глядя на Ли Чена. Тот кивнул ему головой в знак согласия. – Ты думаешь, мне кто-то должен помешать?

– Мих-хо дау – хо дау – ху – уей²⁹! – кивая в знак согласия, произнёс монах. – Мих-хо наступать хвост тигра. Осень опасно!

– Ты бы знал, как всё это мне осточертело! – взорвался Михаил – Да плевал я на того, кто хочет мне помешать! Ближайшим караваном еду домой... Ты понял? Домой, к сыну и Нине...

Ли Чен снова кивнул головой.

И молодой торговец выскочил из комнаты, чтобы узнать, когда будет ближайший караван на Родину...

Неожиданно понимаю, что снова вижу огонь, который словно слушая мои мысли, начал потрескивая, разбрасывать искры в стороны.

– Ничего не понятно... Кто разбойница? К тому же он её знает... Может, Мотька? Едва ли... Её-то что может занести в разбойницы? Она же простая шалава... – странные вопросы один за другим мучили меня, пока до меня дошло, что обязательно всё узнаю дальше из дневника.

3.

«Маньчжурско – русская граница, апрель 1878 года.

Ли Чен решил ехать со мной. Так даже лучше. Нас сопровождают китайские солдаты. Ли Чен встревожен: он считает, что нападут скоро. Могу согласиться с ним: караван вот-вот войдёт в ущелье между высокими горами. Это идеальное место для нападения...

Дописываю уже в России на привале. На нас напали разбойники. Хорошо, что Ли Чен предупредил меня – успели спрятаться. Теперь я знаю о ком предупреждал Ли Чен. Это Мотька, гадюка! Она – атаманша этих разбойников. Мало того, из укрытия, где мы спрятались до их набега, я видел, как она билась в припадке. Если бы не Ли Чен, трое разбойников убили

²⁵ Мих-хо чын лисыгу – Мих-хо надо отправляться в путь.

²⁶ Лидзи ху дзо дасы Мих-хо – припадочная разбойница собирается убить Мих-хо.

²⁷ Мих-хо джын дан бау – Мих-хо знает необузданную падшую женщину.

²⁸ Лахудра – оборванка (Сибирь, с 1848 г.).

²⁹ Мих-хо дау – хо дау – ху – уей – Мих-хо наступает на хвост тигра. Это очень опасно!

бы нас и забрали всё имущество. Когда же она встала, прискакали казаки, и кто-то выстрелил в неё. Так ей и надо! Что с ней стало не знаю.

Ночью на привале во время отдыха у меня появилась сильная боль в руке. Ли Чен встревожился и, открыв плечо, увидел, как на нём одна за другой появляются красные родинки в виде странного насекомого.

– Богомол лодиться! – сказал огорчённо монах. – Плолочество сбывсья...

И рассказал мне, то, как его тибетский наставник узнал про предстоящее рождение Богомола, его желание погубить обманом много людей и создать себе Слуг. Он гадал и молился, и, чтобы как-то помешать ему, вызвал ошибку шаману. Тот теперь кроме слуги, должен сделать и хозяина Богомола. Потом вызвал Ли Чена и направил его в Кондо к юрте быть моим слугой, ждать и защищать меня. Будто это я хозяин Богомола... Это удивительно! Но верится с трудом... А я думаю, ничего особенного не случилось: подумаешь, напали разбойники! Слава Богу, сами живы остались».

– Белиберда какая-то! – чуть ли не выкрикнул я и ещё раз прочитал про какого-то Богомола. Сердце бешено заколотилось. – Это ещё что за хрень, мать – перемать? Богомол какой-то... Обман...

Однако сердце моё не успокоилось и после хорошего мата в адрес странного Богомола. Неожиданно в голове появилась мысль попробовать всё узнать через огонь этого странного места. Я даже закрыл глаза, но ничего не появлялось. Открыв глаза, вновь уставился на огонь, который вдруг начал активно разбрасывать искры, и даже не заметил, как они закрылись сами собой и я перенёсся в то странное время...

Михаил с Ли Ченом медленно продвигались к российской границе под охраной китайских солдат: казаки в этот раз сильно задержались с другим караваном. Почему-то Ли Чен настоял, чтобы навьюченные три лошади Михаила шли последними в караване. Решив, что сейчас лучше послушаться монаха, Михаил согласился с его опасениями, хотя сам их совсем не разделял. Мало того, Ли Чен сам взял под узцы первую из них, а остальных связал поводом между собой.

Михаил ехал на первой лошади, наименее нагруженной монахом. Положив дневник в сумку, а также качаясь в такт мерному шагу лошади, он всё больше и больше погружался в какой-то полусон.

Невольно его мысли вернулись в холодный ноябрь 1868 года.

– Мотька... Да, она действительно ядрёна! Так и брызжет из неё здоровье... Пышка... Манит, притягивает, чертовка! И не его одного, а отца ещё больше... Ведьма, да и только! – в полудрёме шепчет Михаил. – Эх, отец, отец... Он что, не видит? Она ж высосать его собралась и выплюнуть...

И видит, как Мотька набрасывается на него и начинает высасывать ртом, как чрез воронку, всё его здоровье. От отца уже осталась одна кожа да кости...

– Батя, что ж ты делаешь? Вишь, как она порозовела от твоей крови? – он видит всё это, но ничего не может сделать: руки и ноги чем-то крепко скованы. – Она ж высосала тебя... О, господи, помоги наказать эту ядовитую заразу!

От собственного стога и настойчивого толчка в плечо, Михаил очнулся от тяжелого сна. И тут же увидел Ли Чена, который упорно пытался вынуть его из седла. Вдруг он насторожился и встревожился.

– Фэй шывнвэйсьянь джу³⁰! – произнеся почти шёпотом, он приложил палец к губам, чтобы Михаил ненароком не заговорил. – Лазбойник... Опасность... Зизь... Козяин!

Михаил и так всё понял: гадание монаха начинает сбываться. По знаку Ли Чена, он тихонько слез с лошади, чтобы не мешать ему управляться обозом.

³⁰ Фэй шывнвэйсьянь джу – Разбойники создали опасность. Нужно сберечь имущество и жизнь хозяина!

– Да-а-а, собаки! Лучше места не придумаешь для нападения... – подумал он. Действительно, караван медленно втягивался в ущелье между высоких гор, которые обхватывали единственную дорогу.

– Джиби джиби, байджань байшын...³¹ – пробормотал Ли Чен и быстро повернул лошадей к высокому кустарнику, прикрытому скалой. Там он и положил поклажу поближе к кустарнику, а самих лошадей привязал к тонким стволам. Показав рукой Михаилу, что нужно залечь с одной стороны лошади, сам лёг рядом.

Резкий свист раздался неожиданно – это на караван с двух сторон напали разбойники. Они с выстрелами, гиканьем и криками, как коршуны, напали на свою добычу.

Из своего укрытия Михаилу и Ли Чену было видно, что только два человека не участвуют в бойне. Они, сидя на двух белых скакунах, с разных сторон руководили нападением. Сойдясь в середине каравана, слезли с лошадей и взошли на большой плоский камень, откуда им всё было видно.

– Ерошка... Мотька... – удивлённо произнёс Михаил и задрожал всем телом: ему стало понятно, что означали слова предостережения монаха. – Вот гадина! Вот, значит, чем ты промышляешь...

И Ерошка и Мотька были одеты почти одинаково и все-таки различались: у обоих на голове были платки, завязанные сзади. Но, если у Мотьки был платок красного цвета, то у Ерошки – грязно-серого. И кожаные куртки были разные: у Ерошки из овчины вся полностью, а у Мотьки – верхняя часть волчья, а нижняя – из овчины. Ерошка на плече держал тяжелый молот, а у Мотьки в руке было ружьё.

– Ерошка, курошшуп хренов! Я тебе сколь разов ховорить буду? – на лице Мотьки появились явные признаки злобы, а рука начала бить плёткой по сапогу. – Чо пришёл суды? Ехай, чортов сын, вперёд, да смотри, шоб казаки не напали!

Ерошка глянул на неё так, будто хотел ударить, но, ничего не сказал и, хлестнув ни в чём не повинного скакуна, умчался туда, где шла отчаянная драка.

Вдруг Мотька зашаталась, повалилась на камень и, запрокинув голову, забилась в припадке. Это продолжалось буквально несколько секунд. Затем она встала и снова, как ни в чём не бывало, смотрела на бойню.

– Вот это да! – брови Михаила поднялись вверх, а на лице появилась усмешка. – Ни хрена себе: да она припадочная! Всё-таки есть Господь на земле – наказал эту гадину!

Резкий шум на другом конце кустарника быстро прервал его эмоции. Ли Чен опять приложил палец к губам.

И не напрасно: одному из разбойников показалось, что за кустами кто-то спрятался, и он направился прямо к ним, махнув призывно ещё двум таким же. Стоило разбойнику зайти за куст, как Ли Чен вырос перед ним словно из-под земли. Тот вздрогнул от неожиданности, но тут же оправился и с воплем напал на него. Сделав высокий прыжок с кувырком через разбойника, монах оказался перед двумя разбойниками, направлявшихся по зову разбойника. Ли Чен, как бабочка, взмахнув в полёте ногами, сначала ударил одного разбойника по шее, перевернулся и ударил второго. Оба, даже не пикнув, упали замертво. Первый разбойник, повернувшись на шум, от удивления замер на месте: он видел как, летая в воздухе, монах мгновенно расправился с двумя разбойниками. На грязном лице разбойника-бородача появился ужас: он замер и готов был бросить оружие и упасть перед ним на колени. Наконец, вспомнив, что в руке его меч, он, выкрикнув что-то, побежал прямо на страшного врага. Но было поздно: Ли Чен, в прыжке так ударил его в шею, что тот на бегу переломился как соломинка и упал лицом в песок, так и не поняв, что с ним случилось...

³¹ Джиби джиби, байджань байшын – Знай себя и знай противника, тогда в ста битвах сто раз победишь.

Выстрел, резкий свист и вопль: «Каза-ки-и-и!» отвлек Михаила от Ли Чена. Он глянул на камень, Мотька пошатнулась и упала. Потом посмотрел на Ли Чена, чтобы удостовериться жив ли он? Когда же снова посмотрел на камень, Мотьки там уже не было! Все разбойники исчезли так же неожиданно, как и появились. Топот казачьих лошадей радостно ударил по сердцу.

– Жив... Жив! – сердце бешено колотилось: смерть была совсем рядом и если бы не Ли Чен, то... Ему было страшно сейчас даже подумать, чем всё это могло бы закончиться.

4.

Между тем, несколько всадников во весь опор скакали по чуть заметной тропинке. Последняя лошадь скакала в поводке. На первой лошади сидел разбойник в черной шапке, на второй – Ерошка, держащий Мотьку на руках, за ними ещё два разбойника. Разбойник в черной шапке вел их в горы к русскому колдуну. Мотька была ранена, кровь заливала одежду, хоть Ерошка и перевязал её как смог. То и дело она теряла сознание от потери крови.

Подскакав к пещере колдуна, разбойник в черной шапке быстро соскочил с коня и упал на колени и закричал громко и протяжно. На этот звук из пещеры вышел горбатый колдун в красном плаще из шкуры и красном шлеме на голове.

– Мотьку ранили... – произнёс Ерошка, держа её на руках уже у входа в пещеру.

Ничему не удивляясь, шаман знаком показал, что можно внести её. Ерошка, озираясь, нёс на руках свою атаманшу. Кое-где горели факелы, бросающие ужасные тени на стены. Чем дальше в пещеру входил охотник, тем сильнее ощущал неприятный запах, исходивший из глубины пещеры. Где-то в конце входа к нему подошёл колдун и приложил тряпочку, смоченную какой-то жидкостью к носу. Как только Ерошка вдохнул её, так сразу же перестал совсем думать самостоятельно. И когда колдун рукой показал, чтобы тот шёл за ним, Ерошка тут же пошёл, неся Мотьку. Так они пришли вовнутрь пещеры. Показав жестом, чтобы Ерошка надел на неё черный плащ с капюшоном, а затем положил Мотьку на пол в центре пещеры, освещенной факелом, и тот, как механизм, это тут же сделал. Затем шаман показал ему рукой на выход, а сам, выкинув руки вверх к голове каменного идола, довольно склонился перед ним в глубококом поклоне.

– Разбойница... здесь! Сбылось предсказание... – пробормотал он, выпрямляясь и направляясь к Мотьке. – Начнём...

Подойдя к Мотьке, он убрал тряпку и набрал какое-то количество её крови в сосуд, который кипел неподалёку от неё, а затем поднёс другую и положил на рану. Кровь течь перестала, но Мотька была уже без сознания. Сбрызнув её какой-то жидкостью, он поднёс зеркало к губам: оно не запотело.

Тогда колдун взял бубен и стал, ударяя в него, выкрикивать какие-то слова гортанным голосом, и кружить вокруг идола в странном танце, всё ускоряя и ускоряя темп. Так продолжалось до тех пор, пока она не дёрнулась и не открыла глаза. Шаман довольно щёлкнул языком и вышел на воздух.

У входа сидел, смотря в небо широко открытыми глазами, не мигая, Ерошка.

Разбойников не было: они в страхе разбежались, как только колдун и Ерошка с атаманшей вошли в пещеру. Шаман вдохнул свежего воздуха, огляделся и, довольно щёлкнув пальцами, вошёл в пещеру.

– Начнём! – произнёс он довольно. – Время пришло...

Разведя посильнее огонь над котлом с зельем, он начал кидать в него какие-то коренья, лягушек, и другую приготовленную им нечисть. Помешивая и прыгая вокруг, он ударял в бубен и выкрикивал какие-то слова. Когда же от котла пошло странное свечение, колдун влил в котёл кровь Мотьки и снова взвыл, ударяя в бубен.

Мотька села и над её руками появился голубой светящийся шарик. Тогда колдун ещё громче закричал какое-то заклинание, громко ударяя в бубен. Свечение резко усилилось и передалось идолу в виде Богомола, а колдун недовольно цокнул языком. Поняв, что этого мало, он, выкрикивая заклинания, выплеснул в каменного идола пучок энергии.

С этими словами он вылил новую порцию крови Мотьки в котёл, крутясь и выкрикивая какие-то слова...

Что-то неожиданно позвало его к Мотьке, которой он приказал сесть на камень. Колдун подошел к ней и открыл левое плечо, где у неё одна за другой начали появляться темные родинки разной величины в виде Богомола. Раны больше не было. Если бы не красные глаза Мотьки... Вот этого-то он и не учёл!

Ровное дыхание сидящей на камне женщины ему говорило, что она здорова. Невольно залюбовавшись её огромной грудью, он засомневался, сможет ли такая женщина быть слугой его Богомола.

– Ты оживёшь... моё сокровище! – произнёс он, доставая точно такое же изображение из кармана плаща, как и у идола, но в виде броши. – Я тебе дам такую силу... Такую силу... Мы вместе обманом завоюем весь мир! А для верности я дам тебе слугу... Все её потомки будут служить тебе верно до смерти!

И, подойдя к котлу, повторить свой обряд для верности. Однако, как только он начал читать второй раз заклинание, в руках у Мотьки появился синий шар, и кто-то приказал. – Кинь его в колдуна!

– Слушаюсь, мой повелитель! – произнесла она без эмоций и с невиданной ранее силой метнула его в шамана, который был занят разогревом котла.

Синий шар, как пуля влетел в колдуна и тот замертво упал рядом. Не удивляясь тому, как оказалась в этой странной пещере, подошла к костру с котлом, как будто кто-то настойчиво вёл её к лежащему на полу колдуну. В свете факелов она увидела блеснувшую брошь в виде головы Богомола и взяла его в руки.

– Через эту брошь я буду управлять тобой... – голос идола в голове Мотьки прозвучал как приказ, и она потеряла сознание.

Мотька, окончательно очнувшись через некоторое время, с удивлением увидела открытое левое плечо, новые родинки на нём, а в руке – новую брошку с головой Богомола.

– Да она стоит мильёны! – образовалась она, видя переливание в брошке Богомола.

– Слушай, моя слуга! Ты положишь меня в ларец из красного бархата... – ясно прозвучал в голове чей-то голос, и принадлежал он теперь вовсе не ей, а кому-то другому. От неожиданности она вздрогнула и выронила брошь.

От сильного удара по ушам Мотька тут же упала на колени.

– Я не велел тебе ронять меня, а велел аккуратно положить меня в ларец и закрыть его! – снова произнёс тот же голос. – Ещё раз ослушаешься, будешь строго наказана! Исполни!

Мотька, дрожа всем телом, аккуратно взяла и положила брошь в ларец, стоящий на одном из камней: внутренность его была обита красным бархатом. Аккуратно положив говорящую брошь в ларец, а затем закрыв его, она замерла, покорно склонив голову.

– Сейчас ты возьмёшь ларец и уйдёшь отсюда вместе с ним! – голос болью отзывался в голове Мотьки. Мотька, как послушный механизм тут же повернулась и пошла к выходу, взяв факел в одну руку, а ларец – в другую. Увидев спящего Ерощку, разбудила его.

5.

Михаил вздрогнул и вскрикнул от боли в плече проснувшись. Караван, как ни в чём не бывало, отдыхал после тяжелого дня под охраной казаков. Стоны раненых людей время от времени пронизывали ночь, и никого не смутил невольный вскрик одного из них. Один только

Ли Чен тут же вскочил на ноги и посмотрел на Михаила. Руки его дрожали. Это заметно было даже при свете луны.

– Сон плохой приснился... – начал оправдываться Михаил. – Какое-то существо с лапами как косы... Розовый камень... Глаза как половинки шара... Оно ударило меня в правое плечо!

Монах тут же обнажил ударенное плечо: на его глазах одна за другой начали появляться красные родинки разной величины, образуя самое насекомое, ударившее его во сне. Михаил с удивлением смотрел на то, что происходило на его глазах.

– Богомола лодиться... – с грустью и сожалением произнёс Ли Чен. – Плелочество сбуться... Ли Чен не ошибиться!

– Какое пророчество? Ты мне ничего про это не рассказывал!

– Мой плислать наставник Тибет. Наставник гадать и узнать: злой колдун делать Богомол. Богомол плохая, обман, злой! Хотеть много денег, клови, много люди убить. Злой колдун делать Слуга Богомол. Наставник молиться, молиться... Мешать злой колдун... Колдун ошибиться и сделать козьяина Богомол. Меня отплавить Кобдо юлта ждатель Мих-хо! Он козьяина Богомол...

– А как ты узнал меня? – усмехнулся Михаил: он всё ещё не верил в то, о чём говорит монах.

– Наставник сказала: Мих-хо полный лусская остановиться юлта в день полная луна, смолтеть на Ли Чен... Богомола лодиться, Мих-хо появиться плавая плёчо класный лодинка...

Михаил, ничего не понимая, закрыл плечо с появившимися родинками одеждой.

– Ну, и что тут такого? – храбрясь, произнёс он, думая, что всё это произошло из-за нервного расстройства. – Подумаешь, родинки! Да у меня их, знаешь сколько? Скажи спасибо, что живы остались...

– Чертовщина, какая-то... Богомол... Правое плечо... – бормочу тихо, а сердце бьется, словно хочет выскочить из груди: ведь интересно узнать – есть ли такие родинки у меня? Никогда не обращал внимания на родинки, а тут прямо даже интересно стало! Открываю плечо: точно, есть такие родинки! На правом плече и красные. – И, что дальше? Выходит, я тоже хозяин Богомола? Ни хрена себе! А где же он сам?

Монах покачал головой, но ничего не сказал...

Именно интерес заставил меня читать дневник дальше. Не скрою, обнаружив и у себя такие родинки, чувствую, что-то в душе как-то стало тревожно.

6.

«Алтай, аул Акташ, апрель 1888 года.

Сегодня видел странный сон, будто держу я в руках дорогую брошь из светлого камня в виде насекомого с рожками и розовыми глазами, а также ртом, который может раздвигаться. И разноцветное сияние, как на радуге, идёт из него... А потом вдруг: Ба-бах! В нас с Ли Ченом стреляют какие-то бандиты... Какая-то женщина... Ничего не понятно!

Хотел перед отъездом из Акташа подарить жене драгоценности, но наткнулся на сопротивление Ли Чена: он, видите ли, гадал и увидел большую опасность и ловушку, если пойдём в лавку за драгоценностями. Мне жене надо сделать подарок, и я пойду в лавку и куплю ей что-нибудь!

Какой я дурак, что не послушался своего мудрого друга! Но по порядку... Когда я вошёл в лавку, мне стали предлагать разные драгоценности. Я отказывался. Тогда показали брошь в виде головы Богомола с рогами вверх: я его часто во сне видел. Оно прямо в руках так и начало переливаться, светиться, а лавочник в ногах начал валяться, купить предлагал по низкой цене. Купил. Только мы с Ли Ченом вышли, как на нас и вправду напали. Он давай кидать в них свои звёзды и поубивал всех. Только сзади выстрела я не ждал! Ли Чен своим телом меня загородил и принял пулю. Когда я повернулся, он выбил ларец с Богомолем, отбросив его к лавке. Женщина, которая стреляла в меня, схватила его и убежала... Не жалко брошь,

жалко друга: такого мне никогда больше не найти! Он умер у меня на руках... Мне, наверное, показалось, но та женщина была очень похожа на Мотьку... Если это так, то пусть эта гадина лучше не появляется на моей дороге: теперь на ней уже две смерти – отца и Ли Чена. И этого я ей никогда не прошу!»

Какое-то чувство скорби о потерянном друге сжало моё сердце, так что стало больно. Смотрю на огонь и какое-то безразличие ко всему, что окружает меня, охватило душу. Огонь, словно почувствовал то, что происходит со мной, перестал искриться и даже спрятался в угли. Так я сидел до тех пор, пока глаза сами собой не закрылись, перенося меня в то странное время...

Михаил проснулся, но вставать, почему-то не торопился. Почувствовав пряный запах свечей, которые жёг Ли Чен. Он, даже не смотря, что спал, мог сразу сказать. – Ли Чен опять гадает!

У нас очередная остановка в Акташе. Мы с Ли Ченом за прошедшие десять лет не раз перед очередной отправкой домой из Кобдо скупали товары для охотников. Их потом перепродадим в Новониколаевске. Вот так и удалось наладить дело сначала в Новониколаевске, а потом и в Полевском, и даже иметь небольшую прибыль. И семью перевезти в Новониколаевск. Теперь они были все вместе. За все эти десять лет никто больше не нападал на караваны, которые теперь надёжно защищали казаки.

Сегодня Михаилу привиделся странный сон, будто держит он в руках дорогую брошь из светлого камня в виде насекомого с рожками и розовыми глазами, а также ртом, который может раздвигаться... И разноцветное сияние, как на радуге, идёт из него... А потом вдруг: Бабах! В нас с Ли Ченом стреляют какие-то бандиты... Какая-то женщина... Ничего не понятно!

– Алёшка-то, небось, уже подросток! – он вспомнил сына и сравнил, какой он был в его первый приезд. – И Ли Чен его любит. Это хорошо! Этот дурному не обучит!

И небольшое угрызение совести стало сверлить душу. – А я сам-то? Много ли времени уделяю сыну? Знаю, мало... Ты, уж прости меня, сынок...

Он встал, потянулся и вспомнил. – Надо жене и сыну подарок купить! Скоро же ехать дальше. Какой-то нехороший сон мне сегодня приснился... Ну, что там нам светит? Что нагадал, Ли Чен?

Тот даже не отреагировал на его вопрос, застыв как изваяние в позе лотоса. Но вот он пошевелился, открыл глаза и встал.

– Слышь, Ли Чен, не пора ли нам домой? Заскучал я что-то по родному дому! Подарки купим... Нас там Алёшка поди заждался...

Лицо Ли Чена стало как-то одухотвореннее, а глаза на мгновение улыбнулись, лишь только Михаил произнёс имя Алёшки.

– Опасно наступать хвост тигла... – от медитации под глазами у Ли Чена образовались синие круги. Таким Михаил его ещё никогда не видел: друг был явно встревожен! – Впеледи опасность! Ловушика. Не нада ходить!

– Про какую ловушку ты говоришь? Да мы же недолго! Вот купим всем подарки и назад!

В Михаила словно чёрт вселился: он отодвинул Ли Чена, преградившего ему дорогу, и пошёл искать драгоценности. Всё повторилось, когда он увидел лавку с драгоценностями.

– Опасность! Слуга Богомол. Убить хозяин! Ловушика... – твердил Ли Чен, удерживая Михаила за рукав.

В Акташе много китайцев торгует: их лавки видны издали. Одна из них, в которой торгуют китайцы драгоценностями так и влекла к себе Михаила. Ли Чен, словно не слыша его, вошёл в лавку первым. Не успел Михаил пройти и трёх шагов, как прямо к нему бросился владелец лавки, ласково рукой предлагая драгоценности. Он показывал их одно за другим, пока очередь не дошла до ларца.

Михаила словно иголкой укололи. – Так вот же она, брошь эта! Во сне ему приснилась. Будто он берёт её в руки! Так и есть, из светлого камня в виде насекомого с рожками и розовыми глазами, а также ртом, который может раздвигаться. И разноцветное сияние, как на радуге, идёт из него.

Стоило ему положить брошь, свечение тут же исчезло. И Ли Чен первым это заметил. Осмотревшись вокруг, он подошел как можно ближе к хозяину.

Хозяин лавки, увидев это, упал на колени и заговорил что-то по-китайски, кланяясь Михаилу в ноги.

– Ли Чен, что он говорит?

– Хозяина лавки... плосить...купить Богомола...

Ли Чен, как мог, старался оттащить Михаила от злополучной брошки, но тот, словно замороженный, не мог оторвать глаз от неё, переливающейся всеми цветами радуги.

– Ловушика... Опасность... – твердил Ли Чен, оттаскивая Михаила от опасной драгоценности.

Владелец лавки ухватился за ногу Михаила и громко начал что-то говорить и голосить, обнимая и целуя его сапоги.

– Что он говорит? Ли Чен, переведи!

– Хотеть...Сильно снизить цена. Плосить купить. Опасно! Ловушика... – ответил Ли Чен, и встал спиной к спине Михаила.

В это время два жестоких глаза с удивлением смотрели на мужчину, в руках которого Богомол переливался всеми цветами радуги, как бы пресмыкаясь перед ним. Чтобы ещё раз убедиться, не ошиблась ли она, женщина чуть-чуть отодвинула штору.

Разом нахлынули чувства, которые унесли её в прошлое: вот она, Матрёна, приезжает в Полевской... Бессонные ночи с Флегонтом... Мишка, его сын: изнеженный толстячок... Отъезд в Новониколаевск с Флегонтом... Год страсти с Флегонтом... Такого она никогда не забудет! Если и было в её жизни страстное счастье, так только в этот год... Потом бегство с Ерошкой в поисках другой жизни... Банда разбойников и она атаманша... Ранение и колдовство над ней: несвобода. Мечь Ерошке за то, что изменил ей. Рождение сына... Зов Богомола, чтобы освободить его... Разбор завала в пещере и передача его лавочнику... Приказ устроить ловушку его хозяину, чтобы навек освободиться от одного, а потом и от другого хозяина!

– И вот я здесь! – Всё это промелькнуло в голове за одно мгновение.

– Вот те раз, неуж-то енто Мишка? – её брови в удивлении поднялись, а рот раскрылся. – Ет чё ж тако? Мишку Бохомолка боитси, а надо мной командуеть? Ну и дяла... Дык на няхо и засада?!

Пока она молча стояла и о чём-то думала, а потом бормотала, Михаил расплатился с лавочником, продавшим ему драгоценность почти даром, и пошёл к двери. Теперь Ли Чен загородил его так, что Матрена почти не видела его, однако, успела сделать знак кому-то. Но этого было достаточно Ли Чену, чтобы прямо на выходе опередить Михаила и загородить его. Он шёл впереди, держа руки поднятыми на уровне груди и вертел головой во все стороны.

И не напрасно: не успели они и нескольких шагов отойти, как из-за ближайшего дерева высунулась голова разбойника, который начал целиться в Михаила. Однако, не успел он прицелиться, как из резкого взмаха руки Ли Чена, полетело что-то вращающееся, и острые зубья звезды вошли в его лоб... Стоило какому-нибудь ружью или голове высунуться из-за своего укрытия, как тут же бесшумное оружие убивало его...

И всё-таки одна пуля настигла его и то потому, что она предназначалась Михаилу. Почувствовав, откуда она летит и, понимая, что не успеваешь кинуть звезду, заслонив друга собой, он принял на себя её. Эта пуля прилетела сзади из револьвера Матрены. Из последних сил он метнул в Матрену свою звезду! Это обстоятельство однако позволило ей остаться в живых:

смертоносная звезда попала в руку, изрезав её до кости. Револьвер выпал, а стрелять левой рукой из него Матрена так и не научилась...

Прежде чем упасть на землю, Ли Чен с силой выбил ларец в сторону лавки из рук Михаила, чтобы спасти друга...

– Уходи, пока Хозяин не прострелил тебе голову! – услышала Матрена приказ Богомола, который снова обрёл способность управлять ею, выпав из рук Хозяина. – Устроишь на него засаду там, в России...

Подхватив ларец, Матрена скрылась в лавке...

Михаил склонился над обливающимся кровью Ли Ченом.

– Нинсы бужу³²... Миндзинь³³... – прошептал он, и открыв глаза, и уже по-русски громко из последних сил сказал. – Прощай... Моя долг выполнить!

Горькие слёзы накатили волной в душе: Михаил плакал, не скрывая слёз! Он прекрасно понимал, что никогда уже больше не будет иметь такого друга, который своим телом закрыл его от неминуемой смерти!

– Постой-постой... Розовый богомол с рожками... Я где-то это уже видел... А что же мне приснилось тогда, на дежурстве? Что-то ничего не пойму... Мистика какая-то... – вопросы возникали в моей голове один за другим и оставались висячими, не находя ответа. – Надо читать дальше!

7.

«Проскоково, место в 180 км от Томска, декабрь 1888 года.

Мне приснился сон: по приказу Богомола в каком-то местечке по дороге к Новониколаевску Мотька – атаманша склонила банду, и теперь никому из проезжающих нет житья. Их грабят и убивают! Потом над разбойниками появляется лицо Ли Чена и молча он с укоризной смотрит на меня, показывая на них пальцем... Но в этот раз Ли Чен не молчит, а прямо говорит: «Мих-хо, будь мужчиной! Иди и прекрати эту бойню ни в чём не повинных людей! Только ты можешь укротить Богомола. Иначе прольётся много-много крови и в этом будешь виноват только ты!» А виной всему тот самый Богомол, которого я недавно держал в своих руках...

Больше не могу – совесть мучает: обещал расправиться с этой гадиной, а сам забыл! Пойду... Господи, благослови! Уж очень страшно... Жаль нет рядом Ли Чена!»

Закрываю глаза, приговаривая. – Давай, огонь... Переноси поскорей!

Но огонь даже не отреагировал. Хлопаю себя по лбу. – Идиот! Дрова-то надо подкинуть ему! И никакой мистики...

Новая порция дров вдохнула новую жизнь в костер: он затрещал, заискрился. Довольный полученным эффектом, примостившись поудобней, я и не заметил, как глаза сами закрылись, перенося меня в новое место...

Михаил видит сон: в местечке Проскоково на сибирском тракте по приказу Богомола Матрена-атаманша убивает и грабит всех проезжающих. Реки крови льются и текут к Богомолу, который становится всё сильнее и сильнее, больше и больше... Его большие глаза всё ярче загораются от пролитой крови... Потом возникает лицо Ли Чена и он укоризненно показывает мне на преступления, которые вершит Богомол... Крики людей становятся всё больше и больше... Но в этот раз Ли Чен не молчит, а прямо говорит: «Мих-хо, будь мужчиной! Иди и прекрати эту бойню ни в чём не повинных людей! Только ты можешь укротить Богомола. Иначе прольётся много-много крови, и в этом будешь виноват только ты!»

Михаил с криком просыпается в холодном поту... И так каждую ночь!

³² Нинсы бужу – Лучше смерть, чем позор.

³³ Миндзинь – час кончины.

За полгода жизни в Новоникалаевске после Маньчжурии и гибели Ли Чена, молодой купец сильно похудел и сдал: словно кто-то взял и выключил что-то очень важное, без которого он дальше жить не может. Возможно, совесть загрызла, и это так сказалось на здоровье. Но, в тот раз, увидев убитым Ли Чена, который всегда быстро побеждал самых сильных бойцов, он испугался. Страх быть убитым в цвете лет парализовал его волю, сделал беспомощным перед грядущими событиями. Если раньше Ли Чен его предупреждал о возможных событиях и это как-то его мобилизовывало, то теперь никто этого не делал, а сам Михаил оказался полностью неспособным собраться перед неопределённостью будущего. Появился какой-то панический страх перед будущим, в котором его ждал Богомол и его слуги.

В том, что Богомол собирался именно его убить, а не Ли Чена, он понял ещё тогда, в Акташе, перед лавкой ювелира. И стал бояться этих встреч...

Одним словом, за полгода без Ли Чена, Михаил превратился в жалкое подобие мужчины.

Больнее всего было то, что это видела Нина, и только какой-то надеждой ещё на лучшее будущее да из-за сына жила с ним. Возможно, даже из жалости к нему, кричащему каждую ночь...

Михаил глянул в зеркало и увидел в нём старого, поседевшего опустившегося человека.

– Да-а, Ли Чен опять прав! Надо действовать! – и сам почувствовал, что сегодня он не такой, какой был все эти дни. – Что же случилось?

И вдруг понял. – Ли Чен снова с ним! И он ему подсказывает, что нужно делать!

Какое-то необыкновенно сильное возбуждение пробежало по его жилам. Похлопал себя по коленям, бёдрам, животу, груди – всё на месте и всё работает! Сегодня он впервые за полгода не испытывал страха перед будущим и не боялся Богомола, не боялся потерять свою жизнь...

К Нине Михаил вышел выбритым чисто, расчёсанным и с блеском в глазах. Жена не узнавала своего вдруг воспрянувшего мужа: как будто жизнь вновь вернулась к нему.

– Миша, да ты прямо... – с явной гордостью произнесла она и тут же осеклась, чтобы не взглянуть положительные перемены, произошедшие в муже. – Кушать будешь?

Михаил кивнул головой: если все эти полгода аппетита у него не было, то сегодня он поел с удовольствием. Поблагодарив жену за завтрак, он подошёл к ней и взял за обе руки.

– Нина, я уезжаю и, возможно, не вернусь никогда. Так надо... Мне нужно передать тебе все дела.

– Да я уже сама давно вникла в них, пока ты... – она не стала укорять его, видя, что муж решился на что-то очень опасное, и взглянула в его чистые глаза. – Опять, Богомол?

– Надо положить этому конец! – снова произнёс он, как автомат. – Ну и хорошо... Значит, сегодня...

Он попрощался с сыном и женой.

– Иди и победи его! – глотая слёзы, произнесла она. – За нас не бойся. Мы выживем! Иди с богом и помни: я люблю тебя!

Поцеловав её, как в первый раз, он направился к саням...

В Проскоковской вольнице все пили: сегодня был удачный налёт...

Мотька-атаманша, по приказу Богомола сразу после неудачного нападения на Михаила, нашла Проскоковскую вольницу и убила их атамана Прокопа Фирсова по прозвищу «Косой Куржак» из-за выбитого в драке левого глаза и седых волос. Теперь сама железной рукой и самогоном правила вольницей. Однажды несколько человек из числа самых близких друзей атамана задумали её свергнуть, но Богомол был начеку: их думы для него были словно открытая книга. Так Мотька-атаманша узнала их замыслы и методично уничтожила всех недовольных. А остальным, чтобы они были довольными, выкатывала по бочке самогона после каждого удачного дела. Скоро в вольнице заговорили, будто сам дьявол помогает ей. Другие, судачили, мол, это то, что находится в ларце, который она бережёт пуще жизни! Так или иначе, но после расправы над всеми недовольными, никто не собирался её свергать с места атамана. Да и зачем?

Дела их пошли значительно лучше, чем шли при Косом Куржаке. Мотька-атаманша каким-то образом заранее знала маршруты всех самых прибыльных транспортов и нападала на них там, где никто не ожидал.

Конечно, были в их среде и недовольные, обзывавшие атаманшу «припадочной стервой» или ещё хуже. Но эти держались особняком, жили в деревне, а не в вольнице.

Мотька-атаманша, вопреки наказу Богомола сегодня не пить, опять напилась. Она это делала потому, что знала: в этом состоянии он не может ею управлять...

Михаил сам правил лошадьми, потому что никто не отважился ехать в Проскоковскую вольницу, как их ни уговаривали, какие бы деньги не сулили. Так и подъехал он к деревушке Проскоково. Погода была ясная, снег так и похрустывал, и поскрипывал под полозьями саней, которые сами бежали по знаменитому Сибирскому тракту. Лишь только появились первые Проскоковские сосны, купец положил заряженное ружьё и пистолеты прямо на сено, а, чтобы не напороться на охрану вольницы, свернул на первую попавшую дорожку, уходящую с тракта. Всё было просто: он решил зайти с тыла вольницы, чтобы не быть сразу же обнаруженным.

Очень скоро он наткнулся на деревушку, которая располагалась в конце Проскоковской вольницы. Так, объехав деревню с другой стороны, Михаил направился к крайней избушке, наполовину занесённой снегом. Только откопав окошко, занесенное снегом, смог заглянуть и увидеть какого-то человека. Откопав и дверь, он постучался в запертую дверь.

– Уйди, нечистай, а то башку снесу! – в голосе женщины из-за двери послышалась явная угроза. – Носить вас тута куль³⁴, лайдаки³⁵! Чё надо? Я итак усё вам отдала...

– Я не лайдак... Я мимо проездом... – попытался через дверь договориться с ней Михаил. – Заблудился... Пособи!

– А ну, покажися в окошко! – услышал он и подошёл к окну, в котором через минуту появилось женское лицо. Голова кивнула, и купец вернулся к двери.

– А чё я тебе пособлять должна? – женщина встала на пороге, уперев руки в бока. – Ты, небось, к Мотьке прёсси?! Куль её забери! Припадочная стерва...

В какой-то момент Михаил вдруг уловил нотки обиды в её голосе и тут же подумал, что она могла бы быть ему полезной.

– Я пришёл убить эту тварь! – само выскочило из него, даже вызвав некоторый испуг от такой откровенности. – Она сгубила моего отца...

Неожиданно, лицо женщины просияло.

– Ну, тоды ходи сюды... – произнесла она довольно и отступила, приглашая его войти.

Руки её сами подняли спутанные и грязные волосы, обнажая молодое лицо, глаза загорелись каким-то внутренним огнём, а на лице появилась улыбка.

– Она и мово мужа убила... А топерича, видать, кумышку пьёт! – злорадно засмеялась хозяйка, видно представив ожидающие её события.

– А не убить тебе её! – скептически усмехнулась хозяйка. – Куль в ларце её охранят... Сколь разов пыталися её хлопнуть... Мужики были не чета тебе! Ты прышш супротив имя...

– А какой этот куль? – купец хотел узнать, есть ли с ней Богомол? Может, где-то спрятала его? Может, и не стоит убивать её?

– У её ларец такой... С собой всегда носить... – она ещё раз посмотрела на щуплого Михаила. – Ты, мил человек, обожди. Я с тобой пойду!

И она засобиалась, на ходу произнося. – Зови мене Агрофеной. Я подсоблю тебе... Обожди!

Вдруг заплакала девочка в углу.

³⁴ Куль – черт.

³⁵ Лайдак – бродяга, бандит.

– Заткнися, Манефька! – крикнула хозяйка, натягивая на ноги валенки и какую-то дра-ную шубейку на грязный сарафан.

Выскочила она из-за печки с ружьём в руках и шали. – Да штоб сдох, ты, дьякон! Дочку мою Манефой назвал! И енто так назвать Кудеярову дочку?! Ладно, пошли...

– Ну, видать пришло времечко за Косого Куржака поквитаться! – тихо в сенях произ-несла она, а, выйдя на улицу, незаметно сунула из саней пистолет себе за пояс.

Они шли огородами, чтобы не попасться разбойникам на глаза, до атамановой избы.

– Не ходи... Далё, я – сам! – пальцем пригрозив отчаянной женщине, чтобы не испортила всё, произнёс Михаил, и пошёл к двери.

Двери были открыты, охрана и разбойники пьяные валялись кто где: некоторые из них так и лежали лицом на столе, некоторые – уже под столом.

Мотька сидела за столом, обхватив растрёпанную голову руками, выла и выкрикивала всё, что наболело за всё это время.

– Ой, Флехонтушко, ластёна моя... Дура я, подлая, дура! И за чем усё енто изделала? Как мене без тебе плохо, ты ба знал... С Ерошкой связалась, воли захотелось... А зачем? Ить один хрен, изменил мене... Убила ево, а легче не стало! Бохомолкиной слухой стала... Сколь душ схубила, не помню... Твоо сына, Флехонтушко, Мишку, чуть не убила! А куль Бохомолка покою не даёть: ишшо и ишшо кровушки требует! Усё мало яму, окаянному! Селивонушку мово даже проведать не даёть, куль проклятушший! Едина надёжа, Флехонтушко: можа Мишка твой хребет кулю Бохомолке сломат! Ить тока ево ён и боитси! Свет мой единственный, Флехотушко, забери мене к себе, любимай... Господи, помохи мене, нету боле сил быть под кулем Бохомолкой!

Неожиданно она подняла глаза и увидела Михаила. Лицо её даже заветилось.

– Хосподи, ты услышал мене? – она наклонила голову на одну сторону, потом – на другую, как бы вглядываясь и стараясь понять, живой человек или дух перед ней. – Енто ты, Мишка? Живой! Прости мене за отца своо! Тока ево одново я любила по-настоящему... Ты пришёл! Кончи мене, а потом сверни шею Бохомолке...

– На, смотри! – и она показала своё левое плечо, на котором, как татуировка, расположились родинки в виде Богомола. – Слуха я евоная... И в тебе стреляла по евоному приказу...

Выстрел, прозвучавший прямо из-под руки Михаила, заставил его вздрогнуть. – Енто тебе за атамана Прокопа Фирсова, хадина!

Повернувшись, он увидел дымящийся пистолет в руках Аграфены: её трясло. Как безумная она твердила одно и то же, злобно улыбаясь тому, что из головы Мотьки-атаманши на стол текла красная кровь.

Михаил прошёл вперёд и увидел за спиной Мотьки ларец с Богомолем. Сунув ларец под тулуп, он повернулся и пошёл прочь из вольницы...

Так бы и положил ларец на сено, когда дошёл до своей лошади, но услышал сзади голос Аграфены. – Стой! Этот ларец теперь мой!

– Нет, Аграфена, это не твоё! Не связывайся с ним... – произнёс Михаил, отвязывая вожжи и садясь в сани.

Выстрел в правое плечо прервал его речь. Лошадь от близкого выстрела рванула с места так, что сдёрнув, санями подсекла ноги. Так Михаил с ларцем и оказался в санях на спине, не видя, куда быстро неслась по снегу его лошадь. Второго и третьего выстрела он уже не слышал...

Аграфена, бросив ненужные пистолеты в снег, кинулась к избе атамана в поисках золота, когда-то обещанного им своей любимой. Там она метр за метром обыскивала и крушила всё, что могло содержать клад. В конце концов она нашла этот клад в столешнице: из клада посыпались камушки и долгожданные монеты... Как чумная, бормоча и выкрикивая что-то, падая и вставая, она дошла до своей избы. Там в подполе вырыла глубокую яму и, сбросив все сокро-

вище атамана Косого Куржака в чугунок, завернула его в тряпку и зарыла. Утром, проснувшись с больной головой, даже и не вспомнила, чем занималась вчера и тем более, куда зарыла своё богатство. В деревне же скоро пошли слухи, мол, Аграфена тронулась умом...

– Значит, левое плечо... – вздыхаю облегченно, понимая, что есть способ распознать врагов, которые могут и его погубить. – Чем же это всё кончилось? И кончилось ли?

Глава 4. Михаил и Селивон

1.

«Новониколаевск, июль 1894 года.

Шесть лет прошло, как спрятан Богомол у меня в сейфе. Думаю, никто его не достанет!

А сегодня приснился мне сон, в котором Ли Чен предупреждал, что к Богомолу идёт подмога. Как же узнать кто это? Неожиданно я вспомнил о том, как Мотька перед смертью показала мне своё левое плечо, где были такие же родинки, как и у меня на правом плече, только коричневые, а не красные. С этого момента, перепрятав Богомола, с помощью знакомого околотошного организовал засаду. И не зря: на следующую ночь в кабинет забрался вор. Он открыл сейф и, взяв ларец и деньги, направился в спальню, где ударил ножом куклу, лежащую вместо меня. Его скрутили. Открыв его левое плечо, увидел темные родинки в виде Богомола. Потом я узнал, что грабитель – сын Мотьки Селивон. Так он получил семь лет за попытку убить купца с ограблением, и был отправлен на каторгу».

– Значит, Михаил остался жив! – вздыхаю с облегчением: как-то даже привык к нему... Да и нравится он мне – все-таки мой предок! – Так, так... Значит у Матрены сын вырос...

Извилистые линии вычерчивает костер на черном фоне ночи. Сквозь игру костра видится что-то другое...

Шесть лет прошло с того дня, как была убита Аграфеной Мотька-атаманша. Хотя и ранила меня в плечо тогда она, но я добрался до дома. Только после того, как положил ларец в сейф, отдался в руки лекарей, начал лечить рану. И сейчас рана побаливает, напоминая о тех событиях... Слава Богу, мне не пришлось убивать собственную тётку, хотя и предполагал, что такое вполне возможно.

Шесть лет меня Ли Чен не беспокоил, а тут прошлой ночью приснился. Как и в прошлый раз долго смотрел на меня, а потом и говорит «Будь осторожен! К Богомолу идёт подмога... Ты бы перепрятал ларец надёжней!» и исчез. Утром я проснулся: голова болит, в душе страх какой-то...

– Может, и впрямь перепрятать? А куда? Я же зарыл его в подполе... Оставлю... А ларец перенесу в сейф...

Хирел, зарастал травой-муравой Великий Сибирский каторжный тракт... Хирела и беднела вместе с трактом деревня Проскоково. Уже никто через неё не ездил. Некого стало грабить...

Шесть лет прошло со смерти Проскоковской вольницы. Транссибирская железнодорожная магистраль ударила ей прямо в сердце... Теперь уже никто не хотел ездить старой, когда-то очень опасной дорожкой, долгой и дорогой! Каждому теперь хотелось на себе испытать новое железное чудовище, страшно фыркающее, но так быстро едущее, что даже дух захватывало!

После смерти Мотьки и появления железной дороги прибыльное Проскоковское дело стало очень быстро умирать. И потянулись к железной дороге лихие ватажники уже там искать своей доли. Кто-то находил её с пулей в животе, а кто-то на каторге... Однако, были и такие, кто, избежав всех ловушек, разбогател и исчез навсегда из этих мест, освобождая место для новых искателей приключений. Так и забылась Проскоковская вольница в памяти многих людей...

Меж тем пыльной песчаной дорогой в Проскоково, не торопясь, въехала телега с двумя людьми.

– Тпр-рру! Ну, и куды ж ты, паря, собралси иттить, раскудрит твою телегу? Вот енто и есть Проскоково! – беззубый старик в драном армяке остановил свою дохлую лошаdёнку и обратился к шестнадцатилетнему парню в красной косоворотке и сапогах.

– Чё разинул свой курятник? Денег ждёшь? Так не будет их, ня жди... – парень легко прыгнул на свои слегка косолапые ноги. – Катись отседова, а не то шшаз зубы перешшитаю!

– Н-но, родимая! – прикрикнул старик, заставляя лошаdёнку двигаться дальше, потом, отъехав немного, намекая на парня, тихо сказал. – Эх, милая, раскудрит твою телегу, вот и подвози-ка топерича таких паскудников!

Селивон не спеша шёл по заросшей травой улице и думал о своём...

– Где же она? Мне сказали, будто в Проскокове была Мотька – атаманша. Не понимаю, почему бросила и никаких признаков жизни не подаёт? – думал он о матери. – Разве так можно было со мной поступать? Ведь мне всего десять лет тогда было...

Невольно вспомнились ему годы скитания, воровства, драк... Выжил! Но в путешествие вовсе не это заставило его двинуться с насиженного места в Барнаульской воровской стае: ему начало сниться какое-то чудовище, трепет перед которым не давал ему ни спать, ни пить, ни есть... В самом начале, когда оно потребовало сняться с насиженного места, Селивон воспротивился и тут же был сурово наказан: от боли в ушах, сердце и голове он чуть не сошёл с ума. Увидев у себя на левом плече знак из родинок, очень напоминавшем чудовище с рожками, Селивон покорился...

– Пойдёшь искать место, где захоронена мать! – приказал Богомол Селивону. – Когда же выяснишь обстоятельства её гибели, скажу, что делать дальше!

– Да мне и самому хотелось бы узнать, где она захоронена...

Как только Селивон направился на поиски матери, боли тут же прекратились.

Вот и сейчас он шёл по заросшей травой улице и думал о своём. Совсем недавно, побывав в деревне Акташ, он сначала разговорился на улице с молодой женой старосты о событиях шестилетней давности, которые надолго запомнились односельчанам, потом выждал время, когда староста покинет дом, и, забравшись к молодой жене старосты, жестоко изнасиловал её. Потом, отвязав самую лучшую лошадь, ускакал прочь. Теперь на его пути было Проскоково...

– Эй ты, косолапый урод! Те чо тута надоть? – нахальный молодой мужской голос с хрипотцой от постоянного курения попал в точку: Селивон знал о своих недостатках и воспринимал болезненно такие замечания.

Селивон медленно повернулся: перед ним стояло трое парней, один из которых медленно крутил на пальце цепочку с бусинкой.

– Ты глянь, Федьша, ить ён и вправду урод! – удивился самый большой и лохматый из парней – он даже перестал крутить цепочку.

К слову сказать, что определённое уродство всё-таки присутствовало у Селивона. Так, голова его была несколько крупнее обычного. Если сюда добавить низкий лоб, большой подбородок, горбатый нос и слегка перекошенный рот, то обидчики в какой-то мере были правы. Длинные сильные руки при укороченных кривых ногах довершали незавидный портрет Селивона.

– Ну, чё, сдрейфили? Куды вам... Тока и могёте кумышку жрать, да с бабами воевать... – он вызывающе поставил ноги широко и нахмурил брови.

– Ой, дёржи, мене, Федьша! Ить прибью ненароком приبلуднова... Ты чё на нашу улицу припёрси? Шаз как дам по кунполу!

После этих слов, его товарищи начали медленно обходить Селивона с двух сторон, давая главарю медленно отводить руку за спину. Нарушитель границы между тем сделал шаг навстречу здоровяку, как будто и не замечал того, что замышляли деревенские парни. Возможно, именно тот факт, что руки Селивона были мирно опущены, ввёл в заблуждение лохмача: он смело сделал два быстрых шага вперёд и ударил нарушителя.

Только что болтавшиеся, как плети, руки Селивона неожиданно пришли в движение раньше, чем тот нанёс свой удар. Лохмач так и не понял, откуда получил удар по печени, а потом по челюсти. Ноги его оторвались от земли, а тело отлетело на несколько метров, грохнувшись в канаву.

Тут «урод» вдруг повернулся спиной к одному из оставшихся парней повыше и покрепче, и сделал вид, что собирается бежать с поля боя. Парень воспринял это всерьёз и сделал шаг вперёд, чтобы примерно наказать нарушителя. Он так и не понял, откуда взялся этот жёсткий кулак... Хруст носовой перегородки, собственный вой и слёзы, потом ещё удар – и лицо зарылось в землю...

Третий из шайки деревенских блюстителей порядка остолбенел от неожиданности: такого быстрого разгрома их банды ещё никогда не было! Он замер на месте и застыл, как изваяние.

– Ну, дак кто у нас тут «урод»? – сурово спросил Селивон, крепко зажав руками нос третьему парню.

– Мы-ы-ы! – прогнусавил парень, сплёвывая сопли и слёзы на землю.

– Ну, чё, ишшо надоть? – ухмыльнувшись, мирно произнёс Селивон. – А то я ишшо могу!

Деревенские дружно замотали головами, признавая своё поражение. Когда они привели себя в порядок, лохматый, протянув руку, мирно заговорил.

– Слышь, паря, ты чё сюды забрёл-то? По надобности какой? Скажи... Я тут, почитай, усё знаю...

– Материну могилку ишшу... – осторожно ответил Селивон.

– А ну, скажи, кто така?

– Да то ж давно было... Шесть лет назад... Мотька – атаманша... Про таку слышал?

– Мотька – атаманша? – в голосе лохматого послышалось настоящее удивление, рот округлился, и он даже присвистнул. – Вот енто да! Ну, толды наше вам с кисточкой!

И сделал поклон Селивону, уважительно покачивая головой. Остальные сделали то же самое. И пошёл первым вперёд по улице.

– Ну, толды ясненько, как ты нас так быстро разделал! – восхищённо произнёс лохматый. – Слышь, братаны: ён Мотьки – атаманшин сын! Ну, такому надоть кровь из носу, а могилку показать... И покажем! Ить наш батька тамока в одной могилке с ей лежить!

Они пожимали руку Селивону, одновременно восхищаясь им самим и его матерью, успевая добавлять. – Ну, ты, паря, даёшь! Да ты, опосля ентова, бушь наш первеющий друг!

И начали рассказывать в лицах, перебивая друг друга, как какой-то мужик застрелил Мотьку – атаманшу и её ближайших головорезов. Селивон слушал – слушал их, невольно восхищаясь своей матерью, и уже под конец, совсем простил её за то, что бросила его десятилетнего на произвол судьбы. Однако по их рассказам было совершенно невозможно понять, кто убил его мать, потому что по одному рассказу это был мужик, по другому – женщина, по третьему, они сами перестрелялись. А ещё говорили братаны, будто его мать попала к какой-то нечистой силе в зависимость... Под конец совсем дура-дурой стала...

На могилку Мотьки – атаманши они не пошли – нечистой силы испугались, а Селивон медленно приблизился к заросшему бугорку с деревянным крестом без всякой таблички.

– Ну, чё ж ты так, маманя? – только и смог выдавить из себя Селивон то слово, о котором мечтал все эти годы. Но как будто кто-то невидимый наложил запрет на него. И вот оно, наконец, произнесено! Из глаз Селивона потекли слёзы, а рот перекосялся от жалости к себе. – Ты меня... бросила?! За чё?

Если раньше он утверждал это однозначно, то после рассказа братьев, уже не был в этом абсолютно уверен.

В голове назойливо завертелась одна мысль, как будто кто-то посторонний всё сильнее и сильнее внушал её. – Убей того мужика и заведи у него ларец матери! Она не виновата в том, что тебя бросила... Это тот мужик виноват!

2.

С этой мыслью и вышел к братьям Селивон.

– Слышь, братаны, а чё за мужик тот был? – спросил он братьев. – Какой такой ларец ён у матери забрал?

– А ты откель про ларец знашь? – перекрестились братья, лишь только тот упомянул про ларец. И тихо один из них произнёс. – Нечиста сила в том ларце была!

Селивон вдруг понял, что без выпивки он ничего подробного не узнает и вынул одну медную монетку из нескольких, вырученных им за угнанную лошадь. – Гуляй не хочу, братва!

Младшие братья, взяв монетку Селивона с собой, побежали куда-то, а лохмач подвёл его через заросший высокой и густой травой дом с дверью, заколоченной досками крест на крест.

Вонюче-сладкий запах гниения ударил в нос Селивона, который легко оторвал доски и вошёл в избу атаманши. То здесь, то там валялись щепки, пустые черепки от кунганов, какие-то тряпки. Везде пыль и засохшая грязь ровным слоем покрывала всё.

– Вот тут она и сиживала... – Лохмач пальцем показал на высокий стул со спинкой и подлокотниками. – Ватажники нажрутсьи кумышки и тут же валяются... Раз я имя кумышку подносил!

Было видно, что он гордился этим фактом и чтобы усилить свою важность, вдруг добавил. – Фенька, кудеяра Фирсова жонка, балакала, мол, мужик приезжай култук³⁶ ей изладил, а её куля³⁷ в ларце с собой забрал! Тока припадочна она, куреньга³⁸...

– Ты... меня к ей сведи... – прохрипел Селивон, пугая лохмача. – А иде ж тот куль?

– Хучь убей, не знаю... Енто надоть у Феньки спрашивать! Айда к Манефке – кукизке³⁹! У её и спросим...

До дома Аграфены дошли быстро.

– Ну, вот тут и живёт Фенька, жонка кудеяра Прокопа... – лохмач показал пальцем на покосившийся сарай и крепкую небольшую избу из кедра. – Балакай с ей сам!

Из ворот он увидел на крыльце женщину в простой одежде и босиком с тряпкой в руках: она мыла крыльцо. Увидев Селивона, она тут же пригрозила ему тряпкой.

Однако его такой приём не смутил, и он сделал несколько шагов вперёд, несмотря на неистовый лай привязанной собаки.

– Те чо, паря? – погрозив собаке кулаком, спросила она Селивона, заметив его более приличный вид по сравнению с оборванными деревенскими парнями.

– Я сын Мотьки – атаманши... – начал тот. – Про смерть матери... хочу узнать!

Сын? – Аграфена уставилась на Селивона, что-то соображая про себя.

Неожиданно её тело задрожало, ноги подкосились и она медленно опустилась на крыльцо, руками сдерживая себя от окончательного падения. Вдруг её скрючило, выгнуло, а сама она, упав на крыльцо, забилась в судорогах, обильно выделяя пену изо рта.

– Не ходи... Я – сам! – низкий голос и мужская интонация из уст этой женщины удивила и испугала Селивона. Он замер, не в силах понять, что же происходит. А к голосу мужчины добавился женский, сначала один, а потом – и второй. – Господи, ты услышал меня?! Енто ты,

³⁶ Култук – смерть.

³⁷ Куль – нечистая сила.

³⁸ Куреньга – едва живой человек.

³⁹ Кукизка – вертушка, легкомысленная девушка.

Мишка? Живой! Прости мене за отца свою! Тока ево одново я любила по-настоящему... Ты пришёл! Кончи мене, а потом сверни шею Богомолке... Ба-бах!

Селивон попятился: он теперь знал, кто убил его мать... Уже в дверях он услышал женский голос: «Енто тебе за атамана Прокопа Фирсова, хадина!», но эти слова уже ничего для него не значили...

Неожиданно в дверях избы появилась девушка, которая тут же бросилась к матери, взяла её за талию, и, наклонившись, потащила в избу. Она слышала всё, что говорила её мать, от начала до конца.

– На, смотри! Слуга я евоная... И в тебе стреляла по евоному приказу... Стой! Этот ларец теперь мой! Нет, Аграфена, это не твоё... Не связывайся с ним... Ба-бах, ба-бах, ба-бах!

Меж тем Манефа, быстро засунув ложку в рот матери так, чтобы язык не перегородил горло, невольно вспоминала приезжего парня, так сильно испугавшего её мать. Неожиданно припадок закончился, и она убрала ложку изо рта. Но та так и не вышла из непонятного состояния.

– Иде жа золото атамана Прокопа Фирсова? Неуж-то Мотька – атаманша всё промотала? – опять заговорила она, ища руками золото, спрятанное атаманом Прокопом Фирсовым.

Манефа замерла, удивлённо смотря на мать: сегодня она уже узнала, что именно она убила Мотьку-атаманшу.

– Что же теперь? Нету тут... И здесь нету... А-а, вот оно, золотишко! Целёхонько... Побегу-ка я домой, да спрячу его в подполе!

Её речь оборвалась так же неожиданно, как и началась. Она повернулась на бок и громко захрапела.

Ещё долго Манефа не решалась проверить слова матери, но в какой-то момент мысль разбогатеть и сбежать из дома обожгла её воспалённый мозг. – Надо проверить у нас в подвале!

И, спустившись в подпол, долго искала возможное место захоронения. Не найдя ничего, грязная, в паутине, огорчённо произнесла. – Враньё всё это! Нету тут никакого золота...

Через час, напившись кумышки, вся четвёрка дружно храпела. Утром Селивон открыл глаза: он лежал в какой-то избе, потолок которой оброс паутиной. Голова после обильной пьянки болела, в висках стучало, внутри было противно и сухо.

– Чё ента зараза в кумышку мешаешь? – прохрипел он, садясь на деревянную тахту. Рядом, где попало, лежали братья и храпели.

Услышав голос Селивона, один из них застонал и поднялся. Следом зашевелились и другие.

– Надоть опохмелиться... – произнёс старший. – Васька, давай к Манефке за опохмелкой: внутрих усе хорить!

– Аха... – отозвался младший из братьев. – Пушшай лучше Федька! Манефка – евоная краля... Могеть так даст...

Неожиданно Селивону пришла в голову коварная мысль, и он произнёс. – А чё, давай в карты: кто в карты проиграт, тот и пойдёт за кумышкой!

Идея всем понравилась и скоро, подлечившись остатками кумышки, четвёрка дружно играла в карты, которые нашлись у Селивона. Сначала играли просто в дурака, но ко второй половине дня такая игра надоела всем, и начали играть на «интерес». Постепенно один за другим братья снимали с себя одежду, пока не остались совсем нагишом.

– А как иттить за кумышкой? – поинтересовался Васька и тут же не упустил случая уку-сать брата. – Мене-то чё, а те, Федька, хреново бут: как увидеть Манефка тебе с таким бохатством, так и бросить тебе!

– Селивон, могеть отдашь одёжу на время? – спросил Федька.

– А вы на Манефку поставьте! – предложил Селивон. – Я вам одёжу вашу и отдам!

Братья, не совсем поняв, что от них хочет Селивон, однако поняли, что им он готов отдать одежду в этом случае. Посовещавшись недолго, они согласились.

К вечеру они снова оказались без одежды.

– Пора расчёт держать! – произнёс Селивон. – Или снова – на Манефку?

Братья, недолго посовещавшись, снова согласились, но Селивон строго сказал. – Манефка должна быть тут! Одежду берите и пойдём за ней...

Братья растерянно смотрели друг на друга: раньше была только выпивка и это всегда сходило с рук им, а теперь? Это сильно пугало, но делать было нечего... Приготовили мешок и пошли к колодцу с родниковой водой, к которому Манефа всегда ходила вечером. Там и залегли, ожидая её.

Манефа шла, как обычно, напевая что-то своё, с коромыслом за водой. Неожиданно кто-то зажал её рукой рот, а потом вставил туда кляп из тряпки, и тут же мешок был накинут на голову... Коромысло с ведрами так и осталось у колодца... Дрыгаясь и вертясь всем телом, она была схвачена четырьмя крепкими руками. Скоро поняла, что её несут куда-то...

Когда Манефа оказалась в углу избы Мотьки – атаманши, с неё сняли мешок, но руки связали и кляп оставили. Задремавшая девушка неожиданно напомнила Селивону об Айше, которую он изнасиловал до смерти...

– Ставлю на то, кто первый её...

Селивон и сам не думал, что это предложение всем придётся по душе. Но игра разгорелась с новой силой.

Манефа с удивлением и ужасом смотрела на подвыпивших парней, один из которых, почему-то был особым источником её тревоги. И не ошиблась, видя, как с явным сожалением один за другим покидают избу братья, оставляя её одну, беззащитную перед этим страшным парнем.

Селивон, подошёл к ней, вытащил кляп и тут же вылил ей в рот противную кумышку, оставшуюся в его бутылке. Она ещё некоторое время пыталась кричать, но ничего уже не получалось... Скоро волшебная жидкость сняла все страхи, внося в голову полнейший хаос и равнодушие. Ей даже стало бесшабашно хорошо и захотелось мужчины...

Когда Селивон увидел, что Манефа настолько пьяна, что не сможет сбежать, он развязал ей руки и начал целовать, раздевая...

Насиловал Селивон Манефу жестоко, сначала выкрикнув: «Это – за маманю!»... Только одинокая слеза на щеке Манефы говорила: «Я не понимаю, за что вы со мною так обошлись...»

Скоро Манефа потеряла сознание, а Селивон продолжал изливаться в неё и раз, и два и три... А 18 февраля 1895 года у неё родится дочь, которую назовут Комиллой...

Стемнело. Неожиданно на улице раздались крики. Селивон, надев штаны, выглянул в окно: там стояла Аграфена и околоточный, а его подчиненные уже вязали руки братьям. Высавив локтем окно в огород, он легко выпрыгнул на мягкую землю, и бросился бежать.

– В Новоникалаевск... Там должен быть этот купчишка... Как его там? Мишка? – он ухмыльнулся, вспомнив Аграфену. – Сама усё сказала...

В Новониколаевске он, повертевшись в воровских кругах, довольно быстро выяснил, кто из купцов шесть лет назад зимой побывал в Проскоковской вольнице. Узнав, что Михаил Флегонтов Дубовцев не только побывал там, но и вернулся раненным, Селивон установил за домом слежку. В первую же ночь после этого, ему приснился диковенный зверь, который скрипучим и ржавым голосом потребовал убить Михаила, а его освободить. С большой головой проснулся Селивон тем утром...

– Убью! – решил он. – Да и драгоценности евоныя мене приходяться!

Весь день он не находил себе места, а в сумерки легко открыл отмычкой дверь и проник в кабинет Михаила. Открыв дверцу сейфа, Селивон вынул ларец, сложил за пазуху деньги, и, вынув нож, направился в спальню.

– Умри, собака! – крикнул он и ударил ножом человека, лежащего под одеялом.

Однако нож не встретил привычного сопротивления, которое оказывает тело человека. В то же время кто-то тяжелый навалился на него, выкручивая руки.

Когда зажгли свечи, оказалось, что двое помощников околоточного сидят на нём, рядом с Селивоном валяется ларец, а из-за пазухи его торчат деньги.

– Поднимите его... Дайте посмотреть, кто же пожаловал к нам... – полноватый купец смотрел на него, пытаясь вспомнить, где его видел. Но этого человека он никогда не встречал. Чтобы убедиться, тот ли это, кого ждал, подошёл и обнажил левое плечо: там красовался Богомол в виде родинки.

– Вот те раз! – удивился Селивон: он тоже впервые обнаружил такую татуировку. – Откуда это?

– Он... Он самый... Можете забирать! – Михаил поднял ларец, открыв его, показал Селивону, что тот был пуст. – Кто ты?

– Не скажу... Я выйду... – крикнул Селивон Михаилу. – Берехися!

Скоро стало известно, что он сын Мотьки – атаманши Селивон. Получив семь лет за попытку убить купца и ограбление, он был отправлен на каторгу.

– Это что же, так и переходят эти родинки? – удивился Глеб, ощущая странное состояние после пространственно-временного перехода...

3.

«Новониколаевск, май 1901 год.

Сегодня приснился Ли Чен, мой ангел-хранитель. Он предупредил, что Селивона скоро выпустят из тюрьмы. Он горит желанием вернуть себе Богомола и отомстить мне. «Спрятай его понадежней! – попросил меня Ли Чен. – И не теряй зря времени...»

За обычными делами я не смог немедленно спрятать ларец с Богомолем. Вспомнил о нём только через неделю. Организовал охрану из околоточного и его помощников. Когда околоточного вызвал к себе урядник, я предоставил ему свою крытую коляску. Всё это время ларец был со мной. Взрыв нарушил все мои представления о дозволенном: вместо меня Селивон по ошибке взорвал околоточного... Его схватили и отправили на каторгу как политического. Как спрятать надо этого Богомола, чтобы было понадежней? Не понимаю»

– Да-а-а... – только и смог сказать я, прочитав эти строчки. – Кто же здесь больше виноват – сам Селивон или его хозяин Богомол? Конечно, сам Селивон!

Меж тем на моей душе становилось всё тревожнее... Самое главное в том, что мне не понятно, почему... Смотрю на огонь и переносусь сквозь пространство и время...

Сегодня Михаилу приснился Ли Чен, его ангел-хранитель. Он предупредил, что Селивон скоро выйдет из тюрьмы. При этом он горит желанием вернуть себе Богомола и отомстить ему. «Спрятай его понадежней! – попросил Ли Чен. – И не теряй зря времени...»

У Михаила, который привык к спокойной обстановке, не получилось немедленно спрятать ларец с Богомолем. И вспомнил он о нём только через неделю. Тогда снова пригласил околоточного и его помощников, и предусмотрел засаду на Селивона, устроив всё как в прошлый раз.

Селивон меж тем уже сутки наблюдал за домом своего врага: так требовал Богомол. Он не собирался тратить драгоценное время свободы на то, чтобы освободить какого-то Богомола, но тот, на время освободившись от постоянной опеки Михаила, тут же занялся своим освобождением. А Селивон был лишь пешкой в его игре. Неожиданный интерес и жесткая опека к себе со стороны Михаила была как нельзя некстати, поэтому он и торопил так Селивона, наказывая и принуждая к решительным действиям, вплоть до устранения Михаила.

Однако уже несколько часов Селивон не ощущал присутствия Богомола в своей голове. Поэтому, решив, что с ненавистным Михаилом нужно кардинально разобраться, он приготовил бомбу. План был прост: в тюрьме, услышав, как некоторые политические разбирались со своими врагами, он тоже решил таким же образом разобраться со своим врагом...

Уже три дня околоточный и его помощники сидели в засаде, поджидая Селивона, но желанной добычи всё не было и не было. Между тем они уже три дня не были на службе, и это сильно нервировало их.

– Господин околоточный, вас срочно вызывают на службу! – посыльный зашёл в дом Михаила и отдал честь околоточному. – Господин урядник очень сердиты...

– Иди и передай, что мы сидим в засаде! – прошипел околоточный: ему так понравилось здесь находиться, что служба показалась раем.

– Передавал... А они-с приказали-с, вас!

Михаил, который раз в эти дни носил с собой ларец с Богомолем, чтобы не теряя времени отвезти его куда-нибудь и спрятать, испугался. – А что ежели Селивон нападёт? Как быть без охраны?

– А ежели сделать так: я даю вам мою коляску, а вы на ней съездите к своему уряднику и передадите мою просьбу по продолжению охраны? И дополнительную оплату? – Михаил осторожно положил две пачки денег в один карман околоточного и одну – в другой. – А ваши помощники останутся здесь...

Деньги в кармане помогли очень быстро уговориться околоточному, тем более, что не придётся идти пешком. И он кивнул. Довольный результатами сделки, он уселся в крытую коляску Михаила...

Селивон, увидев выезжавшую коляску из дома Михаила, посчитал, что это ненавистный враг его и Богомола находится в ней. С криком: «Чтоб ты сдох!» он метнул в коляску бомбу.

Взрыв на улице заставил вздрогнуть Михаила и метнуться к окну: на улице лежала лошадь, беспорядочно дрыгая ногами. Рядом лежало то, что случилось от коляски, а с краю в луже крови, обхватив уши ладонями, скорчившись, лежал человек...

Селивон от взрыва оглох, в ушах и всей голове стояла невыносимая боль. Схватившись за голову, он застонал и присел на ноги там, где стоял... Так его и нашли помощники околоточного. Он без сопротивления дал себя скрутить, безостановочно бормоча. – Усё... Я выполнил это, Богомол... Топерича усё...

Однако в это время ларец был в руках Михаила, который, закрыв глаза, тихо произнёс. – Это я должен был быть на его месте! Это я должен был быть... Я...

О том, что виновник всего находится в его руках и беспомощно молчит, Михаил даже и не догадывался. В голове Михаила вертелась одна мысль. – Как спрятать надо этого Богомола, чтобы было понадежней?

Селивону дали десять лет каторги уже не как вору, а как политическому: власти решили, что это было покушение на чиновника, а значит, и на власть...

– Может, понадежней – это куда-нибудь подальше? Вон ведь, тайга, она какая: шаг шагнул в сторону и заблудился! – выскочившие из моего рта слова тогда мне даже показалось просто блестящим выходом из положения. – Спрятать эту заразу в тайге – и весь разговор!

4.

«Новониколаевск, май 1901 года.

Я решил, что наилучшим выходом спрятать Богомола «понадежней» будет запрятать его где-нибудь в тайге, подальше от людей. Поэтому через две недели после взрыва околоточного Селивон и его отправки на каторгу, пойду по одному мне известному пути. Богомол должен быть хорошо спрятан так, чтобы ни одна душа, кроме меня не могла его найти!»

«Дописываю через два месяца: в тайге меня нашёл Алёшка со своим другом остяком Николашкой уже без сознания. Они отвезли меня в аул остяков к родителям Николашки. Там и выходили. Если бы не остяки, вряд ли смог бы ходить, ведь я при падении со скалы сломал обе ноги и два ребра. Но Богомола спрятал надёжно!»

– Как так? Он что, услышал мои мысли? – удивленно произношу, удивляясь тому, как все-таки странно организована жизнь. Перенос из одного времени в другое теперь уже меня не удивлял, но передача мыслей на расстоянии? Этого ещё не было!

Несмотря на протесты Нины и Алёшки, Михаил решил идти один на Ману до крутых утёсов, в которых, по его мнению, должны были быть пещеры. Там в одной из них он и решил зарыть ларец с Богомоллом.

За прошедшие дни Михаил долго думал и никак не мог придумать, что же имел ввиду Ли Чен, когда предложил ему спрятать Богомола «понадёжней». В одном Михаил был согласен с ним. – Здесь, в городе оставлять его никак нельзя! В последний раз Селивон здесь устроил взрыв. Погиб ни в чём не повинный человек... А мог ведь взорвать всё в доме! Вот тогда погибли бы и Нина, и Алёшка и все остальные, кто был дома... А, значит, надо ларец спрятать подальше от дома! Где-нибудь, в тайге, например... Пусть ищет!

И, навьючив лошадь инструментами для рытья твердой породы, простился с близкими. Ларец с Богомоллом опустил в суму на лошади.

Три дня и три ночи по реке Мане пролетели незаметно. Он уже прошёл несколько утёсов, но пока ни один из них не имел того, что искал Михаил. И опять потянулись дни и ночи.

Лишь однажды на восходе солнца ему показалось, что на одном из утесов солнечный луч высветил тёмное пятно на крутом спуске. Сердце радостно забилось, подсказывая ему, что он на правильном пути. Чтобы запомнить это место, осмотрелся. Всё было как всегда, только вот в реке на самой середине торчал валун, который воды Маны огибали с двух сторон. Оставив лошадь внизу, он собрал в рюкзак необходимые инструменты, ларец с Богомоллом, и начал долгий подъём к пятну на скале.

Подниматься пришлось долго: местами скалы были так круты, что, казалось, подъём был вообще невозможен. Однако, вбивая крючья в трещины и завязывая узлы, он карабкался к своей цели.

Солнышко собралось спрятаться за горизонт, когда Михаил добрался до своей цели: это действительно была небольшая расщелина, резко уходящая глубоко вниз.

– Что делать? – он настойчиво искал выход из создавшегося положения.

Вниз к лошади спускаться нельзя – темнело очень быстро, а путь вниз был долгий и нелёгкий. В расщелину спускаться – тоже опасно: в такой темноте можно было быстро упасть. И что внизу имелось – было пока тоже неясно. Остаться на месте и переждать ночь? На выходе из расщелины в виде пещеры была небольшая площадка, с которой, заснув, можно было упасть как в пещеру, так и на склон утёса. И всё-таки природная осторожность взяла верх: Михаил решил остаться на том месте, где оказался, и постараться не уснуть. Пристроив рюкзак к стене, он прибил крючок к стене и привязал себя верёвкой к крючку. Только после этого позволил себе закрыть глаза...

Проснулся он от сильного шума и холода: зубы клацали, тело дрожало, а верёвка врезалась в грудь и плечи, рюкзак навалился на него, мешая дышать. Летучие мыши с криком проносились мимо, иногда царапая его. Сильно хотелось пить. И всё-таки он был цел!

Восток алел зарёю, не предвещая ничего хорошего.

– Надо спускаться! – решил Михаил и осторожно освободился от пут. Он вынул из рюкзака жбан с водой и напился: спасительная жидкость разлилась по всему телу, прекращая сотрясения тела от холода. Накинув на себя рюкзак, и взяв в руки верёвку, перекрестился и начал спуск в пещеру...

Треск верёвки он скорее почувствовал, чем услышал. Жуткий страх змеёй вполз в душу, отравляя и заставляя замирать при каждом шорохе. – А вдруг? Даже думать не хотелось, что будет, если верёвка порвётся...

Второй треск рвущейся верёвки был неожиданным: страх стрелой пронзил его мозг, парализуя руки и ноги. Так и не разжав руки с обрывком верёвки, Михаил летел вниз, не зная, как далеко ещё предстоит падать... Удар о жесткий камень сразу же выключил все краски из без того тёмного окружения: он потерял сознание от боли...

Внезапно в его воображении возник Ли Чен, который сурово произнёс. – Спрячь ларец в яму и завали её камнями! А потом...

Будто кто-то влил в него новые силы. Михаил, повернувшись с трудом и обливаясь потом, достал ларец и опустил его в находившуюся рядом яму. Словно ненормальный, не помня о полученных ранах, он заваливал яму с Богомолем камнями величиной с два кулака и более. Когда же дело было сделано, он посмотрел на светлую дыру вверху пещеры и тихо произнёс. – Я сделал это!

И потерял сознание.

5.

В свои пятнадцать лет Алёшка сильно отличался от своих сверстников большим ростом и лохматой шевелюрой. Он почти всё свободное время проводил в походах по тайге, временами зарабатывая нарекания своих учителей за нерадивость в учении.

Вот и в этот раз, обидевшись на отца за то, что тот, отправляясь в тайгу, не берёт его с собой, ушёл к знакомому охотнику остяку Николашке, жившему на реке Мане и трое суток не появлялся дома. Когда же вернулся, застал мать в слезах.

– Ой, Алёшенька... Сердце моё стонет! Не иначе как с отцом опять что-то приключилось... Ведь один в тайгу пошёл! Тебе, как никому, известно: одному в тайгу ходить нельзя... – она посмотрела на сына снизу вверх восхищённо – вот ведь какой вымахал! И умоляюще произнесла. – Может, ты... С Николашкой... Боюсь я за него!

Алексей уже давно перестал сердиться на отца, зная твёрдо одно: значит, по-другому было никак нельзя! А тут, видя, как тревожится мать, и сам начал переживать. Но тем и отличался Алёшка от товарищей, что был лёгок на подъём.

– Мам, да ты не бойсь... Я мигом! И Николашку возьму с собой... Он охотник первеющий, все следы читат... Найдём батьку! – он говорил, а сам бросал один за другим инструмент в рюкзак. Последними загрузил воду, хлеб и шматок сала.

Нина перекрестила и поцеловала сына: сейчас она им гордилась.

И Алёшка это чувствовал. Он всегда хотел походить на Ли Чена, о котором часто рассказывала ему мать. Особенно сейчас, когда ему выдалась возможность пойти на поиски отца, он даже стал думать о том, как бы поступил Ли Чен на его месте. Решив, что без Николашки будет скучно, он направился к другу – остяку, который пришёл в гости.

Как это ни странно, но Алёшке нравилась жизнь в этом походе. Николашка, как настоящий следопыт, рассмотрев следы от копыт лошади отца, взял след прямо от дома и ни на минуту не отпускал его. Ехали довольно быстро и то же расстояние проехали за сутки, начиная с рассвета и заканчивая закатом. К скале с пещерой приехали в полдень. Потоптавшись на месте некоторое время, Николашка пошёл в кусты, взяв ружьё на перевес. Алёшку же заинтересовали отпечатки сапог, которые вели прямо к скале. Скоро в его руках оказалась верёвка, привязанная одним концом к дереву и уходящая вверх.

– Волки, однако, были... – тихо произнёс Николашка, вернувшись из кустов. – Конягуту они съели...

– Как ты думаешь... он там? – от волнения голос Алёшки пересох.

Николашка ещё раз осмотрел следы, верёвку и кивнул головой. Алёшка, закрепив один конец на том же дереве и нагрузив на себя остальной моток верёвки, поплевал на ладошки и полез вверх, кивнув другу. – Будь здесь...

Алёшка довольно быстро добрался до рашелины, похожей на пещеру и осмотрелся: ничто, кроме странно свободной верёвки, идущей вниз пещеры, не вызвало его следопытского внимания. Потянув её вверх, он быстро выдернул наверх размочалившийся остаток.

– Так-так... Оборвалась! – не понимая, как такая крепкая верёвка могла порваться. – Значит...

Ему даже думать не хотелось, что отец мог разбиться. Осторожно перебирая ногами, он начал спускаться вниз. Скоро глаза привыкли к темноте, царящей в пещере, а Алёшка всё спускался и спускался, пока ноги его не коснулись твёрдой поверхности.

Он зажгёт спичку и огляделся: недалеко от него на боку лежал отец. Кинувшись к нему, он увидел большую лужу крови и бледное лицо отца. Прислонившись к груди отца, неожиданно услышал тихое. – Тук –тук... Тук-тук...

– Жив! Я знал... Я верил... – бормотал Алексей, укрепляя факел в камнях, который зажгёт от спички. А сам руками ощупывал сантиметр за сантиметром руки и ноги отца. – Чё... Чё сломалось... Аха, вота... Нога... сломана... Ишшо одна... Похоже и рёбра...

Он выхватил нож и отрезал лямки рюкзака: одна пошла на жгут правой ноги, вторая – на левую. Аккуратно привязав к своему поясу всё, что было в рюкзаках верёвкой отца, он своей веревкой привязал тело отца к своей спине. Так и двинулся вверх. Верёвка трещала под тяжестью двух тел, но не рвалась. После нескольких метров вверх дыхание сбилось, а руки налились свинцовой тяжестью. Тяжёлое тело отца сползло, заставляя верёвку, обвитую вокруг тела, впиваться в горло Алёшки. Он останавливался, поправлял то и дело тело отца и верёвку, и снова полз наверх...

На площадке от усталости Алёшка упал, и какое-то время не шевелился.

– Алёсыка! Алёсыка... – услышал он голос друга. – Ну, цё? Насол?

– Нашёл... Нашёл... – Алёшка с трудом произносил такие дорогие сердцу слова: так в горле пересохло. – Разбился... он!

– Алёсыка, спускай... тихонька... отеса! Я тута плиму...

Неожиданно Алёшка оценил то, что предлагал его друг: если он начнёт спускаться с отцом, то, поскользнувшись сам, может погубить отца! В то же время, если потихоньку сначала спустить отца, а потом спуститься саму, вероятность успеха значительно больше. Сбросив вниз рюкзаки, огляделся вокруг, ища какую-нибудь палку. Скоро, обмотав две лесины, приложенные к телу отца, он начал осторожно стравливать верёвку. Ему казалось, что время остановилось: так устали руки. Но он продолжал осторожно стравливать верёвку, несмотря ни на что.

– Есть... Алёсыка, спускайся!

Если раньше он очень ждал этих слов, то сейчас был просто не готов к этому. Веревка вдруг ослабла, тяжесть куда-то исчезла, а он, без сил прислонился к камням пещеры. Отяжелевшие руки упали рядом...

– Алёсыка... Отеса живой! Давай, спускайся...

Слова Николашки, донёсшиеся откуда-то из далёкого основания горы, раньше бы его очень обрадовали, но сейчас сил на спуск уже не было.

– Иду... – прохрипел он, удивляясь сам себе. Непонятно откуда взявшиеся силы, вдруг подняли усталое тело и изорванные в кровь руки ухватились за верёвку. Казалось, он раздвоился: один Алёшка, большой и усталый, остался там, наверху и не хотел спускаться. Однако другой, невидимый и непонятный своей настойчивостью заставлял его шаг за шагом спускаться вниз, не обращая внимания на болящие и кровоточащие раны... Каким-то чутьём Алёшка вдруг понял: этот второй теперь в его жизни самый главный!

Когда ноги его коснулись земли, он, шатаясь от усталости, подошёл к отцу, над которым хлопотал довольный Николашка.

– Алёсыка... Моя тута... лядом... Отеса нада туда! – Николашка уже срубил две небольшие сосны и сооружал из них транспорт для Михаила.

Алёшка кивнул и как автомат выдернул верёвку из вбитых кольев и крючьев.

Скоро Алёшка, ведя свою лошадь с отцом, лежащим на слегах из сосны, шёл за Николашкой, который вёл их в свой аул на Мане. Периодически они останавливались, чтобы посмотреть самочувствие Михаила: тот по-прежнему был без сознания.

6.

Михаил очнулся и застонал от боли в боку. Всё тело было словно заковано во что-то твёрдое. Вдруг прямо перед ним появилось, словно в тумане, лицо сына.

– А-а-лё-ш-ка-а-а... – прошептал он, видя, как улыбается ему сын. И боль сменилась непонятной радостью. Глаза сами собой закрылись: темнота сменилась светом...

Когда второй раз он открыл глаза, рядом с ним сидела девочка-подросток и внимательно смотрела на него. В горле у Михаила было так сухо, что он закашлялся. Каждое шевеление немедленно отдавалось болью во всё тело. Он невольно облилиз засохшие губы. Однако девочка заметила его невольное движение и тут же поднесла тёплую терпкую жидкость к губам, потихоньку вливая её в его полуоткрытый рот. От разлившегося по телу тепла Михаилу снова захотелось спать. Закрывая ставшие тяжелыми глаза, он всё же успел услышать девичий голос. – Алёсыка, отеса озыла...

Теперь, каждый раз открывая глаза, он видел эту черноволосую девочку с косичками, которая тут же поила его вкусной и ароматной жидкостью, вливающую силы в его ослабший организм. Однажды, набравшись сил, он прошептал. – Алёшка...

– Алёсыка... ехать домой... сказать... отеса зывая! – произнесла она, прикладывая в очередной раз к губам чашку с животворным отваром. – Скола плiehen...

– Где я? Как ... я... тут... – он хотел сказать «оказался», но сил ещё было мало.

– Алёсыка... Отеса... пливезти... – она посмотрела на Михаила и, показав на него пальцем, добавила. – Сыбко плохая... быть...

Силы опять его покинули, глаза закрылись, хотя в душе стало очень хорошо. – Значит, сын нашёл меня... А эти хорошие люди откачали... Сынок... Нина... Я очень люблю вас...

И одинокая слеза скатилась по небритой щеке...

Когда он проснулся в очередной раз, рядом сидела Нина и смотрела на него своими ясными глазами. Поодаль и сзади стоял Алёшка и эта девочка-подросток. А ещё дальше – таёжный друг сына Николашка, его отец и мать. Он попытался поднять голову, но не смог: всё тело его было заковано во что-то твёрдое, но тёплое и приятное.

– Ну-ну, непоседа... – улыбаясь, произнесла Нина. – Хоть один разок над тобой покомандую, пока ты в глине! Очнулся, родненький... И чего тебя понесло куда-то в тайгу?

Словно молнией ударило в голову Михаила. – А как же Богомол? Я его спрятал или нет?

И обмяк, вспомнив, как руками загребал яму с ненавистным ларцем. – Значит, всё-таки спрятал! Тогда можно и подлечиться...

Тетрадь закончилась... Какое-то странное чувство вдруг охватило меня. Прокатившаяся вихрем жизнь нескольких моих предков заставляла задуматься над всем тем, что окружало меня. – А, может, это было тогда, очень давно? И с нами не имеет ничего общего?

Однако вся эта мистическая мишура меня совсем не трогала, и голова искала другое и более важное. – Брошка... Она, наверное, должна стоять миллионы!

С этого момента во мне что-то перевернулось, и в голову пришла достаточно конкретная мысль. – А что если кто-то из этих записок ищет то место, где спрятана брошка? И это место описано в одной из тетрадей?

Чем больше я раздумывал над этим, тем больше хотелось узнать, что же было дальше и страшнее придумывались картины. И возник один очень важный вопрос. – Кто это может быть?

Ещё когда вытаскивал вторую тетрадь, я обратил внимание на то, что она как-то странно прилипла к третьей, которую сразу и не заметил. Тогда разбираться во всём мне не захотелось, но теперь волей-неволей пришлось. Когда же вытащил вторую тетрадь из папки, моему удивлению не было предела – большая часть обложки тетради была сгоревшей, остальная – черно-копченной. Первый лист на одну четверть представлял серо-копченный кусок записи, а остального не было. Второй лист только на одну треть остался целым, остальной части листа не было совсем. Остальные листы местами подгорели.

– Ничего себе... Это что же такое с ним стало? – пробормотал я с удивлением рассматривая. – В огне печной трубы дома он побывал, что ли?

Подумав, что тетради лежали в тайнике у печной трубы и печной огонь мог как-то попасть туда и повредить тетрадь, успокоился и открыл то, что осталось от записей во второй тетради.

Часть 2. Дневник Алексея

Глава 1. Алексей и Селивон

1.

«Тайга вверх по реке Мана, июнь 1910 год.

По совету отца стал вести дневник. Я – геолог! Встреча с Веркой-охотницей на Мане у остяков. Учу её говорить, читать, писать. Похоже я влюбился... Женюсь! И родители согласны. Медовый месяц мы с Верой провели в тайге. Ли Чен предупредил – слуга Богомола близко!»

– Так, так... Вот и прадед с прабабкой появились... – подумал я, находясь по-прежнему под гипнозом Пашки, и улыбнулся довольно. – Вот, значит, где вы встретились...

– Алёшка, может, хватит бегать по тайге? – улыбаясь, спросила Алексея Нина Николаевна, когда сын, закончив Горное училище в Екатеринбурге, вернулся в Новониколаевск инженером-геологом. – Ведь стареем... Пора кому-то осваивать торговое дело. Кто нам с отцом на смену придёт?

– Мам, да ты чего? Какие же вы старые? – отшучивался Алексей, собираясь в тайгу, по которой уже успел соскучиться. – Да и не могу я: уже принят на работу геологом и задание имею... Ты же сама хотела, чтобы я был геологом! Вот я и выучился...

Нина Николаевна вздохнула: всё это было действительно так. Но сейчас было так не охота его отпускать куда-то в тайгу. И обняв и поцеловав сына, перекрестила незаметно.

Алексей аккуратно зарисовывал на карту один за другим утёсы и береговую линию реки Маны, помечая, из каких пород состоят эти утёсы. Он собирал разные минералы для отчёта и размещал их по мешочкам, делая пометки. От близкого выстрела он вздрогнул и тут же повернулся: недалеко от него стояла невысокая девушка лет шестнадцати – семнадцати в куклянке и кысах с дымящимся от выстрела ружьём. Рядом с ней стояла дымчато-серая лайка и внимательно смотрела куда-то рядом с Алексеем. Переведя взгляд на это место, он увидел большую гадюку, дёргающуюся в предсмертных конвульсиях.

Неожиданно лайка, сделав небольшой прыжок вперёд, опять зарычала. Девушка, быстро вскинув ружьё, выстрелила и в воздухе, подпрыгнув и извиваясь всем телом в своём последнем прыжке, показалась ещё одна большая гадюка.

Не обращая внимания на Алексея, девушка ещё несколько раз выстрелила в таких же больших змей, и ещё ждала их появления.

Теперь у Алексея появилась возможность получше рассмотреть эту девушку.

– Чёрные волосы, круглое лицо. Не иначе – остячка! – подумал он. – А глаза большие, как у наших девок...

– Ты кто? – спросил он, видя, что охотница направляется к нему.

– Я Верка, однако. А ты? Зачем стусис, змей созываес? Зить надоело? У них сяз свадьбы...

– Верка... Верка... – Алексей напряг память. Только одна Верка – охотница была знакома ему, и это была маленькая сестра его друга Николашки. Но ведь в последний раз он её видел четыре года назад. – А ты не Николашкина сестра будешь?

– Его! А ты, никак, Алёсыка? Плиехал? Токо и научился стусять по камням?

Ещё один выстрел Верки – охотницы ясно дал ему понять, что гадюки не шутят. И он поднялся на утёс к охотнице. Они ушли с опасного места и развели костёр, на котором охот-

ница тут же начала готовить еду. Он смотрел на девушку и понимал, что такую искусницу больше не может называть Верка.

– Вера, сколько тебе лет? – неожиданно спросил Алексей, поужинав жареным зайцем.

– Много... – задумчиво ответила та, зажаривая подстреленного зайца на костре. – А как твоя отеса? Зив-здолов?

– Да... И часто тебя с родителями вспоминает... Они живы? А ты не похожа на остячку...

– Мать мой лусская... Тли года назад в тайге плопали с отеса... Мне потом сказали, они убиты ланеный медведь. Вот мы с Николаской остались...

– А где Николашка?

– А чо ему сдеетси, в тайгу посла...

Алексею было просто и хорошо с этой девушкой, и глаза сами начали закрываться. Охотница, сделав дымный костёр, легла к его спине своей спиной, согревая своим телом. Ружьё так и осталось в руках, хотя и оставила она охранять их свою верную Белку.

Острый и приятный запах пищи ударил по ноздрям проснувшегося Алексея. У костра уже хлопотала Вера, недалеко от неё лежала верная Белка и грызла косточки.

– Однако, пола вставати... – как бы, между прочим, произнесла она, давно заметив проснувшегося Алексея. – Усканы⁴⁰ узо свалилися, куды с доблом⁴¹! Пола умыватиси...

Алексей даже сразу и не понял, кому предназначены эти слова, но услышав, что пришла пора умываться, ухмыльнулся, сел, потянулся и пошёл к реке.

Первые лучи утреннего солнца ещё не набрали своей обычной силы, но уже создавали ту неповторимую атмосферу любви и добра в душе человека, как бы незримо сообщая ему о начале чего-то нового и хорошего.

Выбрав себе место поудобнее, Алексей начал плескать в лицо чистую холодную воду. Руки сами собой тут же ощутили жесткую колючесть шеи и бороды. Здесь в тайге совсем не требовалось бриться, и рыжая бородка ему сейчас как никогда была к лицу. Поэтому, бросая в лицо огромные охапки воды, он млел от удовольствия.

– Интересно, она сама-то умывалась или нет? – поднимаясь к костру, подумал он.

Увидев её чистое лицо и руки, он был приятно удивлён тем, что не ошибся в ожиданиях...

Дни шли за днями. Вечерами Алексей учил Веру говорить, считать, читать, писать, а днём искал свои камни. Вера оказалась очень способной ученицей и схватывала всё на лету.

⁴⁰ Ушканы – зайцы.

⁴¹ Куды с добром – очень хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.